

16+

Сергей Антонов

Расслоение

Сергей Антонов

Расслоение

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Антонов С. В.

Расслоение / С. В. Антонов — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Расслоение личности, расслоение времени и расслоение привычного мира - через все это придется пройти главному герою, чтобы выполнить свое предназначение и рассчитаться с высшими силами, которые вечно сохраняют равновесие между добром и злом.

© Антонов С. В., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Часть первая

Глава 1

Не то, чтобы пенсионерка Нина Павловна Бутина жаловалась на бессонницу. В свои восемьдесят два она засыпала сразу после программы «Время», чтобы проснуться аккуратно к утреннему выпуску новостей. В снотворном эта, не по возрасту, крепкая старушенция не нуждалась, а лишь сетовала на дефицит тишины и покоя.

– В деревне молодежи почти не осталось, трактора в колхозе заводятся только по большим праздникам, а петухи от куриного гриппа голос окончательно потеряли! Тише чем у нас, в Липовке только в могиле бывает! – говорили Бутиной те, кому она изливала свою печаль

– В могилу мне, пока рано, – скромно отвечала Нина Павловна. – На этом свете еще маленько задержусь и если Колька-бизнесмен под моим окошком свой «мерседес» разворачивать будет, то управу на него найду!

Предприниматель Николай Астахов жил по соседству с Павловной. Пахал в поте лица, чтобы удержать на плаву свою пилораму и, естественно не соблюдал режима дня, установленного соседкой. В райцентр мог выехать в пять утра, а вернуться за полночь. Он ни в коей мере не хотел мешать Бутиной, о чем неоднократно ей заявлял, но пенсионерка была уверена в том, что главной целью Коли была не распилка бревен на доски, а методичное выживание ее с белого света.

Нина Павловна не раз вызывала местного участкового Платова и демонстрировала глубокие колеи у своих ворот. Инспектор, отчаявшись убедить бабку, в том, что плохие дороги являются визитной карточкой Липовки, приносил с собой рулетку, измерял геометрические характеристики ям и ухабов, аккуратно записывал их на чистый лист и обещал Павловне принять меры. После этого бабка на неделю-другую затихала, но вскоре несчастному старлею приходилось опять доставать из ящика с инструментами рулетку-выручалочку.

К своему счастью, участковый не знал, что Бутина имеет на Астахова еще больший зуб. Бабка была уверена в том, что бизнесмен ворует у нее электричество, но об этом не распространялась, поскольку версия находилась в стадии разработки и ограничивалась наблюдением за вращением диска счетчика и верхушкой столба напротив дома. В ближайшем будущем Нина Павловна собиралась доказать, что Колька вертит свою пилораму за счет ее пенсии и потребовать компенсации.

В эту ночь Нину Павловну разбудили не всхлипывания чохоточного двигателя «мерседеса». Но все равно в нарушении ее покоя был виноват проклятый Колька. Точнее его овчарка, отличающаяся злобным нравом и нарочито противным голосом. Долгих десять минут Бутина лежала в постели и с терпением истинного стойка выдерживала мерзкие звуки, издаваемые, на удивление крепким горлом овчарки. Чаша терпения переполнилась, когда собаке надоело лаять, и она решила позабавить спящую деревню своим воем.

Старушка с вздохом поднялась, доковыляла до окна и выглянула на улицу, освещенную мертвенно-бледным светом полной луны. Отсюда не было видно ничего, что могло бы привести в такое неистовство соседскую собаку, поэтому Нина Павловна не знакомая с основополагающими принципами голливудских киноужастиков, набросила на сухонькие плечики вязаную кофту и поперлась во двор.

Первым делом старушка проверила, свободны фарфоровые чашечки столба от несанкционированных подключений, а затем, наострив уши, установила источник ночного беспокойства.

Шум, заставивший псину позабыть о чести и достоинстве доносился из-за забора соседнего дома, где жила бывшая библиотечка Зоя Петровна Аскаленко. Бутина сурово покачала головой: уж от кого-кого, но от Зои она такого удара не ждала. Какого лешего и с кем ей приписичило разводить диспуты среди ночи?

Зоя Петровна что-то доказывала своему собеседнику и явно нервничала. Поеживаясь от ночного холода, Бутина пробралась поближе к дому Аскаленко и собиралась приложить ухо к забору, но не успела. Короткий, наполненный ужасом возглас Зои Петровны заглушил лай собаки. Затем раздался грохот, опрокинутого жестяного ведра и удар о землю чего-то мягкого.

Нине Павловне захотелось как можно скорее оказаться дома, за запертой дверью. Она была согласна слушать овчарку ночь напролет и даже весь следующий день, однако этот обет не помог. Нанесенный сзади удар был таким точным и сильным, что мог бы свалить и Илью Муромца, не то, что тщедушную старушку. Бутина безропотно рухнула у забора. Перед тем, как потерять сознание, она увидела, бешено прыгающую по небу полную луну и лицо склонившегося над ней человека. Его ярко-желтые глаза пересекала узкие продольные линии зрачков, а красные губы кривила улыбка, обнажавшая загнутые, как рыболовные крючки и такие же острые зубы. Вместо галстука шею чудовища обвивала петля, а конец веревки был, заткнут за отворот черной хромовой куртки.

На землю упал кирпич. Отодвинув носком высокого сапога, безвольное тело старушки в сторону, монстр не спеша, вошел в калитку соседского двора...

Старший лейтенант милиции Иван Платов проснулся с ощущением того, что наступивший день принесет одни неприятности. И дело было вовсе не в интуитивном их предчувствии. Просто накануне участковый получил от начальства взбучку за чернильное пятно на кармане форменной рубашки.

– У нас что, стиральные порошки в сельмаг не завезли? – начиная издали, ядовито пророкотал двухметрового роста майор Ляшенко, начальник отдела безопасности и профилактики РОВД. – Или шариковые ручки теперь без колпачков продаются?

– Никак нет! – с напускной молодцеватостью ответил Платов – Стержень, стервец, потек товарищ майор!

– Ага. Значит просто течка! У стержня.

Слегка припухшее личико майора говорило о том, что употребление сорокоградусной в больших количествах может иметь последствия даже для его пуленепробиваемой комплекции. Платов понял, что начальник решил сдобрить кислоту похмельного утра, небольшим упражнением по вставлению ему мозгов и виновато опустил голову.

– А у тебя самого Иван Александрович, стержень имеется?

– Имеется, товарищ майор...

– Я не про тот, что между ног, а про внутренний! – рявкнул Ляшенко. – Про тот, который должен быть у каждого сотрудника органов охраны правопорядка!

Майор недавно, с третьей или четвертой попытки закончил академию МВД и приплюсовал к отличным физическим данным массу умнейших словечек, поэтому Платов вплотную занялся изучением носков своих ботинок, что было гораздо интереснее лекции начальника. Судя по изменившемуся углу наклона солнечных лучей словесный понос майора, длился довольно долго.

Все закончилось так, как и предполагал Иван. Ляшенко от души выговорился, а затем потребовал показать протоколы, составленные по административным правонарушениям. Протоколов у Платова было хоть пруд пруди, благо самогонщиков и дебоширов на участке хватало. Однако качество составления бумаг оставляло желать лучшего.

Ляшенко, как и следовало ожидать, отобрал у участкового листочки с фиолетовыми обличениями правонарушителей и, явно довольный растерянным видом Ивана, спрятал их в ящик письменного стола.

– Послезавтра, нет завтра, я должен видеть составленные по всей форме документы, а не эту туалетную бумагу! Работай, старлей!

Платов понуро вышел из кабинета, а напоследок услышал:

– И форму после течки отстирать не забудь!

Приема у майора дожидались несколько участковых, которые ехидно захихикали. Оплеваный Иван понуро вышел во двор, в сотый раз, убедившись, что его служба не столько опасна, сколько трудна.

Черную полосу на тельняшке судьбы Платова добавило спущенное колесо мотоцикла.

Насос, конечно же, был забыт дома и Иван не меньше получаса носился по двору вместо того смыться в свою Липовку. Камера, в конце концов, получила причитающийся ей запас воздуха, но на этом неприятности не кончились.

Не доезжая до деревни, Платов засек на автобусной остановке до боли знакомую фигуру. Вспугнутый шумом двигателя уголовник Витька Рыжов юркнул в заросли кукурузы, как заяц, почуявший охотника.

Такое поведение матерого зека предвещало очередную горку дерьма на и без того скользкой дорожке участкового. Иван остановил мотоцикл и привстав на подножках, как богатырь в стремених попытался определить направление, в котором движется Рыжов. Спустя минуту участковый удовлетворенно хмыкнул и завел двигатель. Витька явно направлялся к березовой рощице на противоположной стороне поля и Платов решил его перехватить. Оставляя за собой шлейф пыли мотоцикл помчался по объездной дороге. Инспектор был уверен, что прекрасно знает местность, поэтому на въезде в рощу скорости не сбавил. Самонадеянность подвела Платова. Переднее колесо ткнулось в склон кювета. Мотоцикл резко остановился, а участковый согласно закону сохранения и превращения энергии продолжал двигаться. Он перелетел через руль и сделал в воздухе кувырок достойный опытного акробата ударился о землю с такой силой, что отключился.

Определить сколько именно пролежал под палящим солнцем Платов не смог. Может вынужденный отдых длился несколько минут, может – целый час. Очнулся от рева мотоцикла, который продолжал работать, но выбраться из кювета без помощи хозяина никак не мог. Иван сел и помотал головой. Как ни странно, та оказалась на месте и только слегка побаливала в области макушки. Инспектор с удовольствием посидел бы еще немного, но требовалось заглушить разбушевавшийся мотоцикл. Первые шаги дались с трудом: земля под ногами слегка раскачивалась. Платов стиснул зубы, героически преодолел несколько метров отделявших его от кювета, повернул ключ зажигания. Двигатель протестующе всхлипнул и затих. И тут... В наступившей тишине Иван отчетливо услышал голос, который не мог принадлежать молодому уголовнику.

Прутик к прутику,

Ветка к веточке.

Вот моя корзинка,

Деточки!

В незамысловатом четверостишии, продекламированном дребезжащим, как лопнувшее стекло голосом не было ничего страшного. Тем не менее Платов почувствовал себя крайне неуютно. Ему почему-то не хотелось видеть автора дурацкого стиха о веточках-корзинках. Ноги, однако сами понесли участкового на поляну откуда доносился голос. Выйдя из-за деревьев Платов в изумлении остановился и раскрыл рот до дозволенных природой пределов. В центре поляны расположился старик. Его длинные, белые, как пух и такие же невесомые волосы шевелил летний ветерок. Седая борода касалась незаконченной корзинки, которую ста-

рик сжимал худыми, обтянутыми бледной кожей руками и время от времени ловко продевал между прутьями новую, заранее очищенную от коры, ветвь лозы. Незнакомец был в одет в белую полотняную сорочку, темные полосатые брюки с заплатами на коленях и сандалиях на босу ногу. Он устроился на одном пне, а в соседний воткнул перочинный нож, которым очищал лозу. Работа спорилась. Платов наблюдал за процессом не в силах произнести ни слова. Ирреальность происходящего заключалась в том, что сырье для своей корзины лозоплетельщик доставал... из воздуха.

Прутик к прутику...

Худая рука приподнималась над корзиной и в пальцах появлялся новый прут.

Ветка к веточке,

Старик брался за нож, кольца коры падали к его ногам.

Вот моя корзинка...

Пальцы уверенно продевали новый прут в нужные отверстия и рука вновь ныряла в невидимое хранилище лозы.

Деточки!

Иван почувствовал, как к горлу подкатил ком. Не в силах сдержаться откашлялся. Старик поднял голову и улыбнулся участковому.

– А, Иван Александрович! Мое почтение!

– З-з-дравствуйте...

Чтобы справиться с приступом головокружения, Платов вынужден был опереться на ствол ближайшей березы.

– А я вас признаться, заждался, – старик отставил корзину в сторону. – Дела?

– Да. Дела, – деревянно ответил Иван, осознавая всю нелепость разговора. – А вы кто?

– Я-то? – в зеленых и очень молодых глазах деда сверкнул задорный огонек. – Ну, во-первых, не местный.

– Это я вижу. Что вы здесь делаете?

– А во-вторых, – старик проигнорировал вопрос участкового. – У меня к вам дельце.

– Какое еще дельце? – к Платову возвращалось присутствие духа. – Повторяю: что вы здесь делаете?

– Плету корзину, как видите. Разве это запрещено законом?

– Нет, но...

– Эх, Ваня, столько предстоит сделать, а тебе бы все болтать!

Неожиданная фамильярность окончательно вывела инспектора из себя.

– Хватит молоть чепуху! Кто ты такой?

– Гм... Раз настаиваешь, – старик пожал плечами с таким видом, будто ему приходилось толковать прописные истины несмышленому подростку. – Ты слыхал о мойрах?

– Какие еще мойры?!

– Успокойся! – указательный палец старика описал в воздухе плавную дугу и Платов почувствовал, как его разгоряченного лба коснулся поток ледяного воздуха. – Остыл? Тогда продолжим. Клото, Лахесис, Атропос. Греческие богини судьбы. Неужели не приходилось читать о них?

Иван уже понял, что имеет дело с существом, которое способно стереть его в порошок и решил не пререкаться.

– Припоминаю...

– Так то – в Греции! – старик с досадой хлопнул ладонью по своей корзине. – Одна прядет, другая отмеряет, третья обрезает. Полное разделение труда. До чего красиво и цивилизованно! А я, как видишь, один.

– Корзина – это судьба? – спросил Платов дрожащим голосом. – А вы...

– Лозоплетельщик, Ваня. Наконец-то до тебя дошло. Чего побледнел? Я ведь не кусаюсь. Пока, по крайней мере, – старик улыбнулся демонстрируя ряд ровных зубов цвета слоновой кости. – И не стану этого делать, если ты выслушаешь меня без криков и попыток грохнуться в обморок.

– Вы галлюцинация, – с надеждой прошептал Платов. – Конечно, галлюцинация. Я упал и по всей видимости ударился головой. Так?

– Хоть горшком назови, только в печь не ставь, – рассмеялся Лозоплетельщик. – Не знаю ударился ты головой сейчас или тебя уронили в детстве с крылечка. Суть в другом. С этого момента твоя судьба станет такой же извилистой, как прут лозы вдетый в корзину. Изменить ничего нельзя. Зло, пришедшее в мир нарушило его равновесие и тебе, дружок предстоит выровнять чаши весов.

– Мне? Почему мне?

– Считать тебя, участковый, неким избранныком было бы ошибкой, – Лозоплетельщик вытащил из воздуха прут и помахал им. – У каждого своя судьба. Карма, если хочешь. Предназначение. Только выполнив его ты освободишься от внимания высших сил. Станешь свободным. Относительно, конечно.

– И в чем же мое предназначение?

– Трижды, друг мой Ваня, тебе придется заглянуть в бездну. Трижды свернешь на дорогу мрака и исправишь то, что нарушает правильное течение бытия.

– А потом?

– Ишь какой шустрый! До «потом» еще нужно дожить.

– И все-таки?

– Потом я просто помещу прутик твоей судьбы в свою корзинку. Ты сможешь жить как все.

– Только-то?

– Я не золотая рыбка, Иван. Жить как все – не так уж и мало, – Лозоплетельщик смерил Ивана задумчивым взглядом. – Например, любить и быть любимым... Простая, но такая уж и доступная, как кажется на первый взгляд человеческая радость. Тебе ее придется заслужить.

– Итак, я должен выполнить определенную миссию, – Платов решил, что извлечь максимум пользы, пусть даже из общения с галлюцинацией и опустил глаза, пытаясь избежать гипнотического взгляда старика. – В чем она заключается?

Ответа не последовало. Иван поднял голову. Лозоплетельщик исчез вместе со своей корзиной. Не осталось даже остатков коры, которые еще секунду назад образовывали на траве горку.

– Черт, – Платов потер пальцами виски. – Привидится же такое! Здорово я, однако бабахнул. Все Витька, мать его так!

Чтобы окончательно убедиться в том, что диковинный старик был не более чем плодом разыгравшегося воображения, Иван подошел к пню, с которого вещало привидение и провел пальцами по шершавому срезу.

– Лозоплетельщик... Чушь собачья!

Возвращаясь в Липовку инспектор старался думать только о повседневных делах и выбросить из головы встречу на поляне. Однако, услышанное четверостишие прочно засело в памяти. Платов то и дело ловил себя на том, что бормочет под нос песенку о прутиках-веточках.

Он уснул твердо убежденный в том, что утро не будет мудренее вечера.

И вот завтра наступило. Хмурое, по меткому выражению Алексея Толстого, утро встретило Ивана беспорядочно разбросанными по кухонному столу бланками протоколов. Все они находились в разной степени завершенности, но ни один не был готов к randevu с майором.

Платов провел пятерней по растрепанной рыжей шевелюре, мельком взглянул на злополучное пятно, украшавшее карман рубашки и отправился во двор, к покрытому синей, местами облупившейся эмалью умывальнику.

Пухлый, ниже среднего роста, 32-летний страж сельских нравов очень страдал из-за веснушек, которые украшали его круглое лицо, не с приходом весны, как полагалось всем добропорядочным пигментным пятнышкам, а круглый год.

Такой набор недостатков привел к тому, что Иван мало интересовался своей внешностью и подходил к зеркалу только в случае крайней необходимости – придать должный наклон фуражке.

Став по вышеперечисленным причинам, убежденным холостяком, Платов жил в доме, оставшимся после смерти родителей и терпеливо сносил насмешливые взгляды прекрасной половины Липовки. Утешало лишь то, что самая молодая представительница упомянутой половины перешагнула сорокалетний возрастной рубеж и упорно предпочитала молочным продуктам спиртные.

В милицию, где прослужил без малого двенадцать лет, он попал после окончания автодорожного техникума: в застойные времена заставить напаять на кого-то форму было, куда как труднее. Попал случайно, по колхозной разрядке, записавшись в дружинники и, незаметно для себя сделавшись участковым.

С тех пор, похожая на мячик фигура Платова, стала неотъемлемой частью деревенского пейзажа. Участковый катался по дорогам и дворам, систематически совал нос в выгребную яму сельских проблемок и не представлял себе иной формы существования.

Самым знаменитым делом Ивана было задержание Рыжова. Того самого Витьки, благодаря которому инспектор вчера еда не свернул себе шею.

Там были и погоня, и даже попытка вытащить из кобуры табельный пистолет, позорно закончившаяся тем, что оружие плюхнулось в лужу, на которой еще расходились круги от колес трактора, управляемого в стельку пьяным злоумышленником.

Рыжов остановился на втором снесенном заборе и безропотно, по причине полной отключки, отдался в руки правосудия.

Это дело было самым значимым в карьере Ивана и по другой причине: Витька получил два года условно, а уже через месяц, учинив пьяную драку, отправился в колонию и с тех пор из нее не вылез. Два дня назад он вернулся в Липовку из очередной ходки и, судя по вчерашней выходке, собирался внести некоторое разнообразие в повседневную рутину деятельности участкового.

Досыта накряхтевшись от холодной воды, участковый протянул руку к полотенцу, но воспользоваться им не успел. В доме зазвонил телефон, но это было не самым худшим.

– Убили! Двоих убили! – донеслось из-за забора. – Что ж это делается, люди добрые! Куда только милиция смотрит!

Вестник несчастья, в лице краснолицей красотки Натальи Устиновой влетел в калитку, с такой стремительностью, что только крепкие завесы позволили ей удержаться на месте.

– Убили! – запыхавшаяся Наталья, размахивала руками, как крыльями ветряной мельницы. – Изверги! Никого не щадят!

У Устиновой был такой вид, будто она сообщал о прибытии в Липовку карательного отряда СС, намеревавшегося пройти по деревне огнем и мечом, но Платов имел большой опыт общения с Наташкой.

– Это в семь утра-то? – Иван поднес полотенце к лицу. – Не смейся, подруга. В такое время все душегубы еще дрыхнут. Видно померещилось тебе с похмелюги.

– Это как понимать?! – Устинова уперлась руками в бока и выпятила вперед грудь, которой позавидовала бы и Памелла Андерсон. – Ему про двойное убийство сообщают, а он рожу полотенцем трет!

– У кого рожа, гражданка Устинова, а у кого и лицо! Рассказывай, дура, по порядку, что, как и где!

Контрастный душ из официального обращения и прямого оскорбления немного успокоил Наталью.

– Зоя Петровна, библиотекарьша наша, с разбитой головой у своего крылечка лежит, а соседка ее, бабка Бутина на улице под забором. Холодные обе.

– Короче, не до протоколов, – констатировал Иван. – Впрочем, хрен редьки не слаще.

К приезду участкового на улице уже стояли два автомобиля скорой помощи. Молодой доктор, руководил санитарями, которые запихивали в машину носилки. Завидев человека в форме, он хмуρο кивнул.

– Что это у вас в деревне творится? Старушки побитые, как грибы после дождя, через каждый метр лежат.

– Сам хотел бы знать, – развел руками Иван. – Два трупа?

– К счастью только один. Бабуля, которая лежала у забора получила тяжелую черепно-мозговую травму, однако жива и, судя по всему, выкарабкается. Для той, что во дворе все закончилось еще ночью. Там и черепно-мозговая и странгуляционная борозда на шее. Короче, не завидую я вам.

Платов тоже не завидовал себе. Особенно после того, как увидел Ляшенко, который выпрыгнул из подъехавшего УАЗа. Майор пожал руку врачу и участковому.

– Что произошло, Иван Александрович?

Платов, придав себе осведомленный вид, в двух словах пересказал сообщение доктора.

– Сейчас толпу разгоню и, посмотрим, что в доме творится.

Не дожидаясь разрешения начальника, Иван направился к группе односельчан, гудевшей, как пчелиный рой. Каждый высказывал свою версию ночных событий. Причем одна была фантастичнее другой.

– Значит так, земляки! Все по домам, а про то, что кто знает, расскажете при подворном обходе! Записывать адреса, телефоны домашние и служебные не стану. Расходимся граждане колхозники и пенсионеры!

Первым продемонстрировал дисциплинированность, Никита Сергеевич Гусев. Старик строго посмотрел на притихшую толпу.

– И то, правда. Нечего тут галдеть. Обязательно, Ваня, ко мне загляни. Я Павловну нашел, а уж потом и Зою Петровну.

– Хорошо, Никита Сергеевич. Расходимся, расходимся! У коров молоко скиснет.

Неохотно, бросая на участкового косые взгляды, люди начали расходиться. Платов смотрел на широкую спину Гусева и мысленно радовался тому, что именно он, самый спокойный и рассудительный в Липовке, стал главным свидетелем. Последней с места происшествия уходила, как и следовало ожидать, Наташка Устинова.

– Не по зубам это заваруха нашему рыжему! – нарочито громко, чтобы быть услышанной Иваном, сообщила она подруге. – Это ему не брагу из бидонов выливать. Тут они все мастаки, а как настоящего бандюгу увидят, сразу пистолеты в лужу роняют!

Вылитая из бидонов брага, была самым больным местом Устиновой. Не далее, как неделю назад Платов свел на нет выпуск Натахой очередной партии самогона, найдя у нее в сарае две сорокалитровых молочных емкости с бурым, игриво бурлящим полуфабрикатом.

Мысленно пообещав припомнить Устиновой пистолеты в лужах, участковый с удовлетворением осмотрел опустевшую улицу.

Ляшенко уже входил во двор дома библиотекарьши и Иван поспешил присоединиться к майору.

– Эге, старлей, – начальник уже с порога засек отсутствие в углу комнаты иконы. Над пятном на выцветших обоях из стены торчал гвоздь, а на полу валялось вышитое полотенце. – Ясно за чем он приходил.

Во второй комнате, служившей покойной хозяйке спальни, по стенам были развешены разномастные полки, уставленные ровными рядами книг. На столе рядом с зажженной лампой лежали очки. На этом порядок заканчивался. Весь пол комнаты устилала разбросанные газеты. Майор ступал по ним, словно не замечая, а Иван присел и принялся рассматривать.

– Интересно, зачем понадобилось разбрасывать газеты?

– Ясно зачем. Икону завернуть.

– Для этого достаточно было взять парочку газет из стопки, а тут...

– Не лепи из говна коников, Платов, а лучше скажи, кто у тебя главный кандидат на такого рода пакости? – майор вынужден был пригнуться, чтобы не цеплять головой потолок. – Ранее судимые, чтоб им пусто было, на участке есть?

– Как не быть, – вздохнул Платов. – Виктор Рыжов, к примеру, совсем недавно откинулся.

– Значит, бери его за шкуру! Тут я сам разберусь. Вон и прокурорские уже подъехали.

На входе Иван столкнулся со знакомым следователем, который с улыбкой Иуды, заметил:

– Не много ли жмуриков за один-то раз? А Платов?

– С тебя хватит. Хватайся за свое главное оружие – шариковую ручку!

– Можно подумать, что твое главное оружие «стингер»!

Накопившуюся за два дня злость инспектор выместил на двух сержантах, мирно покуривавших рядом с УАЗом.

– Минздрав запрещает и советует заняться делом, орлы! За мной!

Жилище Витьки Рыжова встретило визитеров гостеприимно распахнутой дверью и наличием отсутствия хозяина.

– Живут же, люди, – брезгливо поморщился рослый сержант, обводя взглядом, спартанское убранство покоя, до боли напоминавшего хлев. – Хуже свиней!

Платов отметил, что среди разбросанных по полу бутылок есть несколько еще не покрытых пылью. О том, что Витька провел здесь, по крайней мере, одну ночь свидетельствовал и продавленный топчан в углу. На скомканном байковом одеяле валялись несколько мятых купюр мелкого достоинства.

– Не иначе, как вчера вечером еще фестивалил, – глубокомысленно заметил второй спутник Платова, нюхая взятый со стола стакан. – Чернильце еще высохнуть не успело.

– И не один! – радостно констатировал его коллега. – По-моему с бабой!

– Поразительная наблюдательность, – хмыкнул Платов, давно заметивший на стакане след розовой помады. – Знать бы, где эта дамочка.

Ответом стал громкий стук в дверь кладовой, от которого бравые сержанты едва не вырвали автоматы.

– Выпустите меня отсюда! Сейчас же!

Судя по голосу, кричала девушка. Иван жестом остановил подчиненных, которые быстро пришли в себя и готовы были изрешетить дверь и того, кто за ней был, шквальным огнем.

– Спокойно, мальчики. Берегите боеприпасы. Будем брать живьем.

Пленница была заперта посредством ржавой отвертки. Как только участковый вытащил ее из дужки пробоя, дверь с душераздирающим скрипом распахнулась, и из темной ниши кладовой показалось заплаканное личико, обрамленное растрепанными каштановыми волосами с запутавшимися в них ключьями паутины.

– Менты?! – при виде освободителей узница явно хотела вернуться в свою темницу, но Иван успел схватить ее за плечо и силой выволок на свет.

– Как сиделось? Крысы не беспокоили?

– Только одна, – нашла девушка. – С рыжей шерстью.

- Надеюсь, ты имеешь в виду не меня, а своего дружка Рыжова, – нахмурился Платов.
- Обоих!

Инспектор оценил смелость девушки и ее внешность. Несмотря на плачевное состояние прически и потеки туши на лице она была симпатичной. Короткая джинсовая юбка не скрывала стройных ножек, а темно-синий свитер вызывающе обтягивал высокую грудь.

– Вот, что узница замка Иф, сейчас ты пойдешь с нами! – безапелляционно заявил Иван. – Расскажешь, как с Витькой знакомство свела и, чем вы этой ночью занимались.

– В подробностях? – хихикнула окончательно пришедшая в себя девушка. – А не перевозбудишься?

Все четверо вышли на улицу. Иван заметил заинтересованные взгляды сержантов на красавицу из кладовой и почувствовал укол ревности.

- Как звать, запыленная?
- Юлька. Сизова.
- Кой годик миновал?
- Осьмнадцатый! Совершеннолетняя я, начальник, не прицепишься!
- И где ж ты Витьку подцепила?

– Не я его, он меня. С подружками малость бухнули, их на автобус посадила, а тут и Витька нарисовался, урод тряпочный. Вином угостил, а дальше, – Юлия задорно потрянула своими каштановыми кудрями. – Амнезия! Только вчера вечером очухалась. Собирались выпить, а к Витьке друг приперся. Он и запер меня, чтобы разговору не мешала.

– Плечевая, одним словом! – хохотнул сержант. – Для таких, как ты, амнезия – нормальное состояние.

Девушка резко остановилась и злобно посмотрела на обидчика.

- Не посмотрю, что с автоматом! В секунду похабную рожу расцарапаю!
- Чего-о-о? – здоровяк набросился бы на девушку, но Иван вовремя преградил ему путь.
- Брек. Без взаимных оскорблений. А вы, юноша, не забудьте, что пока форму носите.
- Было бы кого оскорблять, – буркнул милиционер, отступая. – Королева бензоколонки... Юлия ничего не ответила, но Платов успел поймать ее благодарный взгляд.

Майор уже поджидал их, обсуждая с работниками прокуратуры все, что смогли нарыть совместными усилиями. Мельком взглянув на Юлию, он покачал головой.

- Это и есть твой Рыжов, участковый?
- Смылся Рыжов, а эту – у себя в кладовой запер.
- Что и следовало ожидать, – Ляшенко опять удостоил девушку взглядом. – Сержант, в машину ее! В отделе разберемся, откуда эта пташка в наши края залетела.

Все расселись по машинам. Напоследок Платов получил ряд ценнейших указаний от начальника и, что самое главное – напоминание о чернильном пятне на своей рубашке, а заодно – репутации. УАЗ отъезжал последним. Иван встретился взглядом с Юлей, которая смотрела на него сквозь прутья решетки и грустно улыбалась. Участковый не смог удержаться от ответной улыбки.

Глава 2

– Не могу поверить, что Зои больше нет, – Никита Гусев придвинул Ивану вазочку с медом. – Тихая, интеллигентная женщина. Кому понадобилось так жестоко ее убивать? В какое страшное время живем, Ваня!

Платов отхлебнул чай и, причмокнув от удовольствия, проглотил ложку меда.

– Вкусно!

– Еще бы! Пчеловодству мне довелось обучаться в Башкирии, молодой человек. Без ложной скромности заявляю, что лучшего меда вы не сыщете в радиусе двухсот километров.

– Не сомневаюсь, Никита Сергеевич. А что вы можете сказать о похищенной иконе?

– Гм. Вещь, безусловно, ценная и имеющая свою историю. Вы, конечно, слышали о кресте Евфросиньи Полоцкой?

– В пределах школьного курса истории. Просветительница, крест.

– Стыдно, Иван Александрович. Я русский и прожил на вашей гостеприимной земле всего лишь пять лет, про святую заступницу Белоруссии знаю больше чем вы, коренной житель.

– Мы все учились понемногу...

– Впрочем, все что знаю, я почерпнул у покойной Зои Петровны. Так вот крест, сделанный по заказу игуменьи Евфросиньи в XV веке побывал во многих передрыгах, прежде чем окончательно исчезнуть в предэвакуационной суматохе из могилевского хранилища.

Реликвию пытались прибрать к рукам иезуиты, ее возвращал из Москвы в Полоцк Иван Грозный. Крест замуровывали в стену от наполеоновских войск и так далее. Сейчас, по слухам, святыня украшает частную коллекцию Моргана.

– Не понял. Каким боком здесь наша икона? – Иван поскреб ложкой по дну вазочки.

Гусев с улыбкой встал и принес из кухни банку с медом.

– Вижу, что мои пчелы завоевали ваше доверие.

– Боюсь, что ответного чувства толстому рыжему трутню от пчел не добиться.

Оба расхохотались над самокритичной шуткой Платова, но через минуту старик опять стал серьезным.

– Дело в том, что существует легенда, согласно которой полоцкий мастер Лазарь Богша изготовил не только крест, но и икону Святой Богородицы. Причем на обоих изделиях он выбил предупреждение сочиненное лично игуменьей. Любой, кто осмеливался вынести крест и или икону за территорию монастыря подвергал себя проклятию.

– Значит икона убитой сегодня ночью старушки...

– Да. Зоя Петровна была уверена в том, что икона, доставшаяся ей от дядьки, сделана мастером Богшей. Если это правда, то цена похищенной реликвии...

Никита Сергеевич красноречиво пожал плечами.

Платов встал из-за стола, поскольку боялся расправиться с целой банкой янтарного деликатеса.

– Про икону сказать ничего не могу, но то, что дядька Аскаленко был порядочной сволочью, слышать доводилось. Работал оперуполномоченным ГПУ или НКВД и приложил немало усилий для уменьшения численности населения нашего района. Кончил плохо – повесился прямо на старом кладбище. Там его и похоронили. С почестями.

– Еще один довод в пользу того, что проклятие Евфросиньи – не хаханьки, – подытожил Гусев, провожая участкового к двери. – Сам Иван Грозный опасался проклятия, а уж он, насколько известно, мало чего в жизни боялся. Если сила проклятия не уменьшилась с годами, то похититель иконы совершил большую ошибку. И еще. Вы лишь поверхностно знакомы с судьбой чекиста Аскаленко. При удобном случае посвящу вас в подробности.

– С удовольствием послушаю, Никита Сергеевич. Спасибо за угощение.

Иван возвратился домой только к вечеру. Подворный обход не принес результатов. Все всё знали и готовы были помочь Платову раскрыть любые преступления вплоть до убийства Кеннеди, но когда речь заходила о нападении на двух старушек, участковый с тоской понимал: настоящих свидетелей нет. Оставалось только молиться за здоровье Нины Павловны и надеяться на гражданскую сознательность Юлии.

Засыпая, Иван вспомнил о склепе, в котором был похоронен чекист Устинов. Даже своими похоронами он бросал вызов буржуинам. Мать рассказывала, что борца за светлое будущее пристроили в фамильной усыпальнице польских шляхтичей, предварительно вышвырнув оттуда кости прежних хозяев. Чудны дела твои, Господи! Интересно исправила ли горбатого могила?

Зацепившееся за островерхие сосны далекого леса солнце бросало на землю прощальные лучи, которые заливали луг темно-оранжевыми волнами. Даже дышавшая на ладан ограда старого кладбища выглядела сейчас довольно поэтично. Однако человеку, устроившемуся на одной из могил, было не до сантиментов. Из всего стихотворного наследия человечества Витька Рыжов знал только матерные частушки, да несколько первых строф из «Бородино», которые каким-то непостижимым образом засели в его стриженной головушке со школьных времен.

На Викторе была только полинявшая футболка и синие тренировочные брюки. От наступающего вечера он ждал не вдохновения, а холода. Рыжов поежился и виртуозно обложил по матушке того, кто назначил ему встречу на кладбище.

Жизнь не слишком баловала Виктора с детства, а уж после его памятного ралли на трассе и вовсе стала дарить одни мерзости. Достигнув возраста Христа и Ильи Муромца, он не обзавелся учениками, а все его подвиги были описаны не в эпосах, а в милицейских протоколах.

Под свои невеселые думы и монотонное карканье ворон Рыжов начал клевать носом и вскоре уронил голову на колени. Проснулся только за полночь и не сразу разобрался, где находится, а когда, наконец, смекнул, то задрожал, как осиновый лист.

Ни за какие коврижки он не сунется больше на это кладбище. Видимых причин для паники не наблюдалось, но Рыжов, обостренным чутьем бывалого зека, чувствовал, что сидеть здесь ночью противопоказано для здоровья. Тем более в полнолуние.

Деревянные кресты и каменные надгробия отбрасывали на землю короткие, контрастные тени, а засохшая великанша-липа протягивала к ночному небу свои сучья с таким видом, будто собиралась закричать «Душно мне! Душно!».

Рыжов отыскал в кармане полупустую пачку «Астры» и без всякого желания, закурил. Завернутая в несколько газет икона лежала рядом, на поросшем бурьяном могильном холмике. Она была главной причиной того, что Витька до сих пор не драпанул с кладбища. Камнем преткновения на дороге к дому.

Аванс, полученный от заказчика Витек пропил с рекордной даже для него скоростью. Теперь дрожал не только от страха, но и с сильнейшего бодуна. И куда же подевался этот хрен? Рыжов в тысячный раз, обругал, того, кто вынудил его сидеть на старом погосте и вскопал, услышав шум автомобильного двигателя. Приперся-таки! Виктор мог бы пойти навстречу водителю, припарковавшему машину у ограды, но решил, что заставит ублюдка прогуляться по кладбищу и вдоволь налюбоваться на крестики и саркофагики. Настроение сразу улучшилось. Рыжов поднял икону, клятвенно пообещав себе запросить сумму, вдвое превышающую прежнюю договоренность. Моральный ущерб, мать его, чего-нибудь да стоит!

Свойственная бывалому урке наглость вернулась. Он полез в карман за новой сигаретой, но достать пачку не успел. Поросший бурьяном вход в старый склеп находился от Витьки в десятке метров и тот, кто сидел на массивном параллелепипеде мраморной плиты мог быть

чем угодно, только не обманом зрения. Почему же минуту назад там никого не было? Рыжов постарался успокоить себя мыслью о том, что назначивший ему встречу человек пришел быстрее, чем ожидалось. Но тогда к чему этот нелепый маскарад с черной хромовой курткой старого покроя и высокими сапогами? Только ради того, чтобы шугануть его и забрать товар, не расплатившись? Хрен ему на постном масле!

Урка подбоченился и скривил губы в презрительной усмешке.

– Эй, шеф! Что расселся, как король на именинах? Иди, получай свою деревяшку!

Сидящий поднял опущенную к земле голову, и Рыжов увидел на месте, где у всех нормальных людей находятся глаза, две черные дыры. Длинная прядь черных волос беспрепятственно проникала в пустую глазницу и, судя по всему, не доставляла обладателю хромовой куртки ни малейшего неудобства.

– Век свободы не видать! – Витек выдернул руку из кармана и неумело перекрестился, позабыв о том, что держит пачку «Астры». Знай, Рыжов хоть одну из молитв, он бы незамедлительно ее прочитал. Однако, в курс народного университета, который прошел Виктор, изучение «Часослова» не входило. Оставалось спасаться бегством. Рыжов попятился, споткнулся о могильный холм и со всего размаху шлепнулся на задницу. Лежа на земле, он прижимал икону к груди, смотрел на полную луну и отчетливо слышал приближающиеся шаги. Мертвяк шел по его грешную душу. Зачем, ох, зачем он не слушался маму, уговаривавшую его завязать с бухлом? Почему удары тяжелых ботинок, которыми его «прописывали» в «зоне», ничему не научили? Перед мысленным взором Витька вспыхнули языки адского пламени, раздалось шипение масла, которое работающие черти выливали на раскаленную сковородку. Жариться тебе, Виктор, вечно жариться за украденную икону!

– Не надо! – забормотал Рыжов, протягивая сверток склонившемуся над ним выходцу из склепа. – Забирай, только душу на покаяние отпусти!

– В-вот это п-правильно, к-кореш! – насмешливо процедил призрак, забирая у Витька икону. – Т-только не п-поздновато ли о д-душе думать? К т-тому же я грехи отпускать не уполном-мочен.

Рыжов осмелился открыть глаза и с облегчением перевел дух. Его собеседник, хоть и не являлся образцом добропорядочности, но и призраком тоже не был. Он бесцеремонно ткнул Виктора ногой в бок.

– В-вставай, з-зековская морда! Раз-злегся тут, как на н-нарах!

Первое, что сделал Рыжов, встав на корточки, так это посмотрел на плиту у склепа.

– А где этот, в кожанке?

– М-да. Зря, я кажется, с т-тобой связ-зался.

– Я видел! – лепетал Витька. – Сидел он туточки! Вот те крест!

– Ч-чертик зеленый? – понимающе кивнул головой мужчина. – Был н-недавно, только д-дематериализовался. Глючит тебя, болез-зный. П-предупреждал же: сделай дело, а потом н-нажирайся до поросычьего визга.

Рыжов начал приходить в себя и благословил темноту, которая скрывала мокрое пятно на его штанах.

– Бабки принес?

– П-принести-то принес, т-только они тебе без н-надобности. Зачем с-старушку замочил? Я тебя об этом п-просил?! Все м-менты на ногах! Наш рыжий, как пес н-носом землю роет! Не н-нужны тебе, братан, деньги. «Вышка», господин х-хороший, вам л-ломится!

– «Вышка»? Как, за... замочил?

– Обыкновенно. Т-тебе, урюк мало б-было ее по голове ведром звездануть, так ты ее и п-придушил еще!

– Никого я не душил! – взвизгнул Рыжов – Не мокрушник я, мамой клянусь!

– Ну, к-квалификацию тебе не я, а суд п-присваивать будет. Мое же дело м-маленькое, – мужчина вытащил из кармана портмоне и отсчитал несколько купюр. – Д-держи душегуб-самочка. Здесь все, как д-договаривались. В Липовку соваться не советую. Твою к-кралю Платов повязал. Павловна жива, скоро очухается и расскажет, к-кто ее кирпичом по буйной головушке б-бабахнул. Послушайся доброго совета: мчись на ближайший вокзал и забудь, что в этих м-местах родился!

– Не трогал я Павловну!

Рыжов растерянно комкал в руках гонорар, а советчик быстро шел между могильными холмиками к своему автомобилю. Витек не мог понять до конца, того, что произошло в деревне, но твердо усвоил: лучше смазать пятки керосином, чем лоб зеленкой.

Заурчал двигатель, мелькнул свет фар. Пожалев о том, что не успел попросить увезти его с кладбища, Виктор двинулся к ветхой ограде. Не короткой, проходившей рядом со склепом тропинкой, а окружным путем. Теперь у него были деньги и неплохие шансы смыться из Липовки, в которой запахло жареным.

Рыжов уперся ногой в поперечную перекладину забора, обеими руками ухватился за остроконечные доски, чтобы перемахнуть на другую сторону. В эту секунду его шею обвила черная удавка. Виктор отпустил доски, грохнулся на спину и попытался просунуть пальцы под впившуюся в кожу шеи петлю. Попытка оказалась тщетной. Сильные, высовывавшиеся из обтрепанных рукавов черной кожанки руки, несмотря на сопротивление, затягивали удавку все сильнее. Тело Виктора напряглось, как струна, выгнулось и обмякло. Выпученные глаза в последний раз увидели полную луну, уплывшую во тьму. Виктор Рыжов окончил свои не в тюрьме, как пророчили ему с детства, а на старом кладбище, в центре которого возвышалась родовая усыпальница польских магнатов.

Глава 3

Юля Сизова всю ночь ворочалась на жестком ложе, проклиная день и час, когда встретила Витьку. Она в очередной раз обещала себе взяться за голову, когда лязгнул засов двери.

Девушка решила ничем не выдавать своего нетерпения и осталась лежать в прежней позе. Повертывая на пальце ключи, молоденький сержант, улыбаясь, подошел к нарам и взмахнул рукой, чтобы шлепнуть плененную красотку по заднице, но в его кисть впились острые ногти. Юля пружинисто села и отшвырнула руку сержанта, глаза которого округлились от боли и удивления.

– Реакции нет, значит, детей не будет, мальчик! – злорадно сообщила узница. – Тоже мне охранник! Скажи спасибо, что ключики не отобрала!

– Ну, кошка! – сержант лизнул кисть, на которой выступили капли крови. – Если здесь удержишься...

– Не надейся, беззубый Цербер, не задержусь! Веди к начальнику!

Маленькая победа придала Юле уверенности, необходимой для предстоящего разговора с майором. Тот хоть и медленно думал, но быстро сообразил: если эта девочка, что-нибудь делает, то только по собственной воле.

– Вляпалась ты милая, по самое не могу! – в третий раз завел свою песню майор Ляшенко, откидываясь на спинку стула, которая жалобно скрипнула. – Твой хахаль одну бабку порешил, а вторую в реанимацию спровадил. Вдвоем решили иконку стибрить или твоя идея была? Рыжов, насколько я помню, фантазией не отличался и сам до такого не додумался бы.

Юля пристально изучала решетку на окне кабинета.

– Молчанием, как сказал Глеб Жеглов, только усугубляешь, милочка. По-отечески советую: колись, как дело было, рассказывай, куда Рыжов заныкался и ступай себе с Богом в распоряжение родимого РОВД. Мне и своих отморозков хватает, не хочу на экземпляры из чужого района последние нервы тратить.

– Тысячу раз говорила: не про какие иконы не слыхала. С Рыжовым познакомилась случайно и большую часть времени провела у него в кладовой! – Юля чувствовала, как на глаза помимо воли наворачиваются слезы. – Почему вы мне не верите?

На смуглом лице майора появилось выражение мудрой задумчивости.

– Тут ведь дело в следующем: доверие заслужить надо, а тебе доверять с какой радости? Вино хлещешь, с уголовниками путаешься и, вообще ведешь антиобщественный образ жизни!

– Здравсте-пожалуйста! – возмутилась Юлия. – Если не спортсменка, не комсомолка, значит одна дорога: в колонию? Я вам не Манька Облигация!

– Нет, не Манька. По ухваткам ты на Соньку Золотую Ручку тянешь, – довольный своими познаниями в истории уголовного мира майор улыбнулся. – Ладно. Еще раз. Детально, в подробностях про то, как все было. Начиная с того момента, когда к Рыжову пришел гость. Кстати пришел или может, приехал?

– Может и на метле прилетел. Не знаю. Витька, как услышал шаги во дворе, вскочил, словно ему в задницу гвоздь воткнули. У меня стакан из рук вырвал и загнал в кладовую, сказал, что на десять минут, а я там до утра просидела. Темно, паутина кругом...

– Паутина, конечно важная деталь. То, что ты не видела гостя понятно, но ведь уши-то тебе никто не затыкал!

– В суть разговора не вникала, – пожал плечами Юлия. – Зачем? Но мужик, который приходил интеллигентным был.

– Ты-то, попрыгунья, что можешь, про интеллигентность знать?

– Не меньше вашего, майор. Мужик тот по фене не ботал и Витьку за жаргон ругал.

– Все?

– Ага. Может, хватит меня терроризировать? Все равно ведь ничего нового не придумаю. Ляшенко встал во весь свой богатырский рост.

– Тебя, Юля никто еще не терроризировал. Честно: все рассказала?

– Без утайки!

– Что ж вали домой и постарайся мне больше на глаза не попадаться.

– Уж постараюсь, – радостно выпалила девушка, вскакивая со стула. – Поверь, начальник, никакого удовольствия от общения с тобой я не испытала!

Пока Ляшенко собирался с мыслями, Юля успела выбежать за дверь.

Во дворе РОВД синхронно помахивали метлами «суточники». Поскольку асфальт был вычищен уже до дыр, они с удовольствием прервали свой Сизифов труд и уставились на девушку, которая, раскинув руки, объявила с крыльца:

– Свобода, граждане тунеядцы, хулиганы, алкоголики!

Майорский разум, работавший в авральном режиме, выдал перечень самых важных желаний и привел мышцы в действие. Ляшенко даже успел добежать до дежурки, чтобы воплотить зародившиеся приказы в жизнь и остановить резвую вертихвостку. Однако подчиненные под стать своему учителю не отличались быстродействием. Юля беспрепятственно и более того, триумфально, провиляла бедрами до ворот отдела.

Здесь боевой настрой угас. Девушка вдруг поняла, что находится вдали от дома без копейки денег. Она не слишком тосковала по родителям-алкоголикам, однако и шастать по чужому городу в поисках новых приключений не хотела.

Понуро бредя к автобусной остановке, Юлия просила Создателя послать ей попутную машину, за рулем которой будет сидеть нормальный мужик, а не еще один Рыжов. Молитва была услышана. Не успела девушка сесть на скамейку, как у обочины притормозил мотоцикл с коляской. Из прямоугольного выреза шлема на Юлю смотрело знакомое веснушчатое лицо.

– Уже выпустили? – улыбнулся Платов.

– А я не представляю угрозу для общества!

– И куда путь держишь?

– В твою деревню! – неожиданно для самой себя выпалила Юля. – Подбросишь, Анискин?

– Во-первых, моя фамилия Платов. Звать Иваном. А во-вторых, в Кленовке только тебя не хватало. Езжай домой, лягушка-путешественница.

– Если по-хорошему тебя не уговорить, – развела руками девушка. – Придется идти на открытый шантаж.

– Шантаж? Интересно, чем ты будешь меня шантажировать?

– Тем, что не сказала твоему майору!

– Ого! Быстренько колись!

– И не подумаю! Сначала в деревню отвези!

– Ладно, только мне сначала в больнице побывать надо. Прыгай в коляску!

Юля игнорировала предложение Ивана, уселась позади него и положила руки на плечи.

– Заводи свою тарахтелку!

Платову не удалось попасть по рычагу стартера с первой попытки: мешала грудь Юли, упирившаяся ему в спину. Не требовалось быть гением дедукции, чтобы понять – бюстгальтера она не носила.

Лицо Нины Павловны было таким бледным, что почти сливалось с подушкой и повязкой на голове.

– Еще раз повторяю! – едва слышно сказала Бутина. – Не Рыжов меня ударил! Видел бы ты рожу того чудища. На шее обрывок веревки болтался. Мертвец это!

– Нина Павловна! Мертвецы не имеет привычки бить живых кирпичом по голове и душить, – терпеливо разъясняя участковый. – Не их это стиль!

– Откуда ты про стили знаешь? За иконкой он приходил, потому как она его. Не может спокойно в склепе лежать! Вот и Зоя в последнее время сама не своя была все в город ездила, в церковь наверное...

– Точно в церковь?

– А куда же еще? Молилась видать за грешную душу своего дядьки, но видать прощения не вымолила. Так-то...

– Выздоровливайте, Нина Павловна, – вздохнул Иван. – Обещаю, что к вашему возвращению разложу всех покойникам по гробам, а живых отморозков отправлю за решетку.

– Не шути так, участковый и...храни тебя Господь! – старушка с усилием подняла руку и перекрестила Платова.

Юля дожидалась Ивана, пуская колечки дыма сигаретой, которую стрельнула у мужика с перебинтованной рукой.

– Как там твоя бабуля? Не склеила еще ласты?

– Отставить жаргон! Она еще нас всех переживет!

Мотоцикл выехал за город и вскоре свернул с шоссе на проселочную дорогу, представляющую собой набор рытвин и ухабов.

– Медвежий угол – твоя Липовка, старший лейтенант! – прокричала Юля на ухо Платову. – Не понимаю, как здесь вообще жить можно!

– Зачем же тебе сюда рваться?

– Просто больше пока податься некуда! Родаки в пьяном угаре и не заметят, что доченьки три дня дома нет.

Не доезжая до деревни, Иван остановил мотоцикл.

– Слушай, красавица, а что люди подумают, если меня с тобой в Липовке заметят?

– А мне без разницы!

– Значит так: до завтра тебя в Дом колхозника определяю. Там все равно никто не живет, а утром самолично на автобус посажу. Усекла?

Девушка с недовольной гримасой кивнула.

– Теперь рассказывай свои секреты,

Юля прыгнула с сиденья и хлопнула Платова по плечу.

– А ведь теперь только от меня зависит, долго ли тебе в старших лейтенантах ходить.

– Ну-ну! – усмехнулся Иван. – Вот уж никак не думал, что моя карьера в твоих руках.

– В моих. Тот дядька, который к Рыжову приходил, заикался. Много в вашей глухомани мужиков с такой приметой?

Платов, нахмурившись, завел мотоцикл.

– Понятно. Поехали!

В Липовке хватало жителей с разного рода физическими и умственными недостатками, но заикался только один человек: предприниматель Николай Астахов. Паренек не слишком прочных нравственных устоев.

Прежде чем наведаться к нему, участковый поехал в сельсовет, взял у секретарши ключи от Дома колхозника.

Поднявшись вместе с участковым на второй этаж, Сизова обвела взглядом пыльные апартаменты и саркастически усмехнулась.

– Нет. Это не Рио-де-Жанейро. Это гораздо хуже.

Платов выволок из завалов разобранной мебели панцирную кровать и прилаживал к ней спинки.

– Ну, ты, знаток советской сатиры, скажи спасибо, что сюда впустили. Сейчас в деревне такие дела творятся! Меня вообще с работы погнать могут, если узнают, что я тебя здесь оставил.

Юля бухнулась на собранную кровать, забросила свои стройные ножки на спинку и сладко потянулась.

– Эт точно. Погонят. Интересно, а как ты в случае чего объяснять будешь, зачем меня сюда притарабанил?

На этот раз ухмыльнулся Иван, у которого был готов ответ на этот каверзный вопрос.

– Скажу, что ты свидетельницу решил оставить до тех пор, пока Витьку не отыщем. Может ты знаешь, где Витька заныкался, да говорить не хочешь!

– Ты и вправду так думаешь?

– Нет, – покачал головой участковый. – Рыжов тебя в камерке запер. С какой стати ему с тобой откровенничать?

– Правильно мыслишь, Шерлок. Теперь пораскинь мозгами и выдай умозаключение о том, что я в этой конуре жрать буду.

– И откуда у тебя, пигалица этот жаргон?

– Странствую, слушаю, изучаю устное народное творчество.

– Оно и видно, доизучалась, – вздохнул Иван. – А насчет еды не волнуйся. С голоду не помрешь. Я в магазин заскочу и куплю чего-нибудь.

Юля зевнула, продемонстрировав розовое, как у котенка нёбо.

– И про сигареты не забудь. Я только с фильтром курю.

Платов обернулся у двери.

– И «Беломору» рада будешь. Отдыхай!

– Успеха в расследовании! Наше вам с кисточкой!

Глава 4

В колхозной конторе весело гудел настольный вентилятор, гонявший душный воздух из угла в угол. Главная бухгалтерша задумчиво морщила лоб и шевелила губами, подсчитывая количество букв в слове, которое необходимо было вписать в клетки кроссворда. Перебрав в уме все возможные варианты, она поняла, что без посторонней помощи не обойтись.

– Егор Дмитриевич! Вопросик по вашей части. Воровской инструмент – пять букв.

– Фомка! – счетовод Симпляков заполнял финансовую ведомость, но ответил на поставленный вопрос ни секунды не задумываясь.

Подобного рода словечки звучали для него, как музыка. Егор Дмитриевич знал о мире криминала столько, что мог бы служить консультантом при МВД, но злая судьба сделала его всего лишь проницательным колхозным счетоводом.

В районной библиотеке, куда Митрич заглядывал при каждом удобном случае он прочитал решительно все детективные романы и надоедал библиотекарям вопросами о датах поступления новых партий криминального чтива.

От заполнения ведомости Симплякова оторвал рокот двигателя мотоцикла участкового.

Митрич выглянул в окно и, увидев, что Платов входит в Дом колхозника, поспешно встал из-за стола.

– Я на пару минут отлучусь?

– Да хоть на пару часов, – зевнула бухгалтерша. – Только, пожалуйста, еще одно словечко, Егор Дмитриевич. Уж очень сложное. Наука об отпечатках пальцев. Аж тринадцать букв.

– Дактилоскопия! – крикнул Митрич уже из-за двери.

В ожидании участкового, он даже пританцовывал от нетерпения. Как только тот вышел из-за двери сразу вцепился ему в рукав. Платов мысленно взвыл от досады. Он давно убедился, что избавиться от Симплякова можно только с помощью физического устранения последнего.

– Какие подвижки в деле? – доверительным полусшепотом поинтересовался Митрич на лысой голове, которого играли солнечные зайчики. – Я заметил ваш мотоцикл из окна конторы и сразу смекнул: пытаетесь спрятать от мести маньяка важную свидетельницу.

Участковый, который уже начал чувствовать сильную головную боль вырвал свой рукав из цепких коготков преемника Ната Пинкертона.

– Бог с вами, Егор Дмитриевич, какие подвижки? Какие свидетельницы? Какое дело?

Выбить Митрича из седла было не так-то просто.

– Меня вам не провести, Иван Александрович! Я назвал это дело «История мертвых старух»!

– Эк куда вас занесло! Нина Павловна, слава Богу, пока жива!

– Мелочи, – отмахнулся Симпляков. – Процесс, как говорится, пошел и главная задача, таких как мы с вами его контролировать!

– Вот и контролируйте, сколько душе угодно, а мне ехать надо! – взмолился Иван.

– Понимаю, – Митрич сурово кивнул. – Дело есть дело. Какие будут указания?

– Не понял?

– Ну, моя роль в этом деле, – лохматые брови счетовода грозно сошлись на переносице.

– Ах, указания! – рассмеялся Платов. – Поменьше Маринину читайте. За «Войну и мир» возьмитесь что ли...

– Вы недооцениваете важность работы с информаторами. А я, между прочим, кое-что знаю.

Иван понял, что придется подыграть Симплякову. Он со шпионским видом посмотрел по сторонам.

– Теперь можно. Говорите.

– Перед смертью Зоя Петровна дважды ездила в райцентр, – Митрич многозначительно воздел к небу указательный палец. – Понимаете, дважды!

– В церковь старушка ездила и всех-то делов.

Симпляков дробно захихикал.

– А вот и не в церковь!

– А куда?

– В би-блио-те-ку!

Воспользовавшись тем, что Митрич зажмурился, наслаждаясь произведенным эффектом, Иван рванул к мотоциклу. Тот, хвала Создателю, завелся с первого раза и, участковому удалось-таки оторваться от добровольного помощника.

Симпляков смотрел вслед сбежавшему участковому без особого сожаления.

Долгие ему приходилось быть теоретиком раскрытия запутанных уголовных дел. И только сутки назад представилась возможность раскрыть всю мощь своего аналитического ума. Умышленное убийство при столь загадочных обстоятельствах случилось под самым носом, в его родной Липовке! Душегуб-глупышка просто не догадывался, что дело ему придется иметь с Егором Симпляковым!

Митрич промакнул лысину носовым платком, расправил плечики и двинулся в контору, чтобы вновь окунуться в мутный омут колхозной бухгалтерии.

Освободившись от Митрича, Иван отправился к зайке Астахову. Уже издали он понял, что поговорить с предпринимателем не придется: «мерседеса» у дома не было.

Для очистки совести участковый подъехал к массивным стальным воротам, полюбовался множеством замков и решил еще раз заглянуть на место происшествия – в дом библиотекарши Аскаленко. Он находился за поворотом дороги, метрах в двухстах, но уже сев в седло мотоцикла Платов услышал встревоженные голоса. Сердце екнуло. Ивану на участке, которого регистрировались только административные правонарушения, с лихвой хватало свалившегося на его голову происшествия со старушками. Новых бед он не желал, но, свернув за угол, понял: они уже случились.

Группа старушек обступила Гусева, который, качая седой головой, что-то рассказывал. Заметив участкового, Никита Сергеевич раздвинул своих слушательниц руками и направился к Ивану. Он нес длинную удочку и Платов, глядя на поплавок из гусяного пера, долго не мог взять в толк: зачем она сдалась старику?

– Здравствуйте, Иван Александрович, – Гусев явно не знал, что ему делать с удочкой и перекладывал ее из руки в руку. – Прошу прощения, но на этот раз вестником неприятностей для вас стал я.

– Не тяните, Никита Сергеевич. Какая опять проблема в Липовке?

– Рыжов, – пчеловод наклонил голову, убеленную сединой. – Наш Витька...

– Отыскался?

В голове у Платова сразу сложился перечень того, что мог натворить «наш Витька». Убил? Украл? Кто на этот раз стал жертвой Рыжова? Гусев прервал ход его мыслей одним емким и понятным словом:

– Убит.

– Как убит? Кем?

– Боюсь, что ответов на эти вопросы у меня нет и искать их придется вам с коллегами. Я просто нашел его труп, – Никита Сергеевич слегка повысил голос, чтобы подчеркнуть свои следующие слова. – На старом кладбище.

– А вас-то, каким ветром туда занесло?

– Самым обычным, – улыбнулся Гусев. – Не думайте, Иван Александрович, что я бродил там, в поисках встречи с призраком чекиста. Просто кроме пчеловодства у меня есть и другое

увлечение – рыбалка. Часиков в шесть утра я отправился на наше озерцо с намерением заарканить пару-тройку карасей, а, возвращаясь мимо кладбищенской ограды, увидел лежащего человека. Сначала думал, что Витька нажрался перед очередным походом в места не столь отдаленные, но...

Рассказывать о том, что произошло с Рыжовым на самом деле, Гусеву пришлось не только Платову, но и целой своре подъехавших сыщиков, следователей и иже с ними. Причем Никита Сергеевич отвечал на все вопросы настолько толково и обстоятельно, что Платову хотелось поблагодарить старика.

На этот раз в Липовку соизволили почтить своим присутствием чины из областного управления и, к счастью для Ивана, Ляшенко с ним почти не общался. Зато чего стоили испепеляющие взгляды майора, которые он бросал на участкового! Платов чувствовал себя так, будто он лично придушил Рыжова.

Тот лежал, широко раскинув татуированные руки, у кладбищенской ограды и смотрел в небо широко открытыми глазами. Багровая отметина на шее выглядела жутко, но не шла ни в какое сравнение с выражением ужаса на лице мертвеца.

Иван знал, что ушлого Витьку трудно застать врасплох и тот, кому это удалось, был парень не промах.

Труп увезли и, пока вся сыскная братия ползала на четвереньках в тщетных поисках следов убийцы, Иван ловил себя на том, что никак не может сосредоточиться на чем-то конкретном. Он то и дело поглядывал на серую махину склепа, перед которым все остальные кресты и надгробия казались просто карликами. Вспомнился Лозоплетельщик, его пророчество о том, что Платову придется заглянуть в бездну бездне и свернуть на дороги мрака. Может быть старик имел в виду пробил час первого из трех испытаний? Иван тряхнул головой. Он начал думать о Лозоплетельшике так, словно тот существовал на самом деле, а подобные мысли могли привести только в дом для умалишенных. Баста! Если у него и есть какая-то миссия, то заключается она в том, чтобы найти убийцу. В противном случае, в роли Лозоплетельщика выступит Ляшенко. Уж он-то точно не даст Платову возможности жить по человечески и завяжет прутик судьбы инспектора в узел.

Перед отъездом майор впервые обратился к Ивану.

– Встретимся завтра на совещании! – заявил он и хлопнул дверцей УАЗа так, что весь корпус машины задрожал.

После всех переживаний дня участковый почувствовал, что не сможет взобраться на седло мотоцикла и, рухнул на ближайшую скамейку. В голове вертелась только одна мысль: если Рыжов был убийцей то, кто же прикончил его?

Когда плеча Ивана коснулась чья-то рука, он вздрогнул. Оказалось, что рядом присел Гусев.

– Заскучали, Иван Александрович?

– Тут не то, что заскучаешь – в петлю с тоски полезешь.

– Совсем как наш бравый чекист Аскаленко?

– Дался вам этот Аскаленко! – вспыхнул Платов. – С живыми бы разобраться!

Никита Сергеевич пожал плечами.

– Не надо обижаться на пожилого человека. Может лучше поболтаем за тарелочкой ухи? Я ведь не только трупы отыскиваю, но еще и рыбу ловлю. Совмещаю, так сказать, приятное с полезным.

Услыхав это оправдание, Иван не удержался от улыбки, а затем прыснул со смеха. Через несколько секунд участковый и пчеловод хохотали так, что на глазах у обоих выступили слезы. Если бы, кто-нибудь из односельчан увидел их в этот момент, то наверняка решил бы, что парочка всю потешается над новопреставленным рабом божьим Рыжовым.

Смехотерапия подействовала на Платова освежающе, а горячая уха Гусева вообще придала ему столько сил, что он готов был, не сходя с места поймать всех воров и убийц.

– Смотрю я на вас и удивляюсь, Никита Сергеевич, – участковый с сожалением отодвинул пустую тарелку. – Умный и рассудительный человек, а верите в какую-то покрытую плесенью легенду.

– Спасибо за комплимент, Иван Александрович, но в существовании привидений я сильно сомневаюсь. Однако легенды на пустом месте не возникают.

– Опять вы про этого чекиста!

Гусев поднял указательный палец.

– Секундочку! Вы ведь не знали покойную Зою Петровну так хорошо, как знал ее я. Аскаленко, смею заметить, была женщиной весьма эрудированной и начитанной.

Платов кивнул на книжный шкаф в углу комнаты.

– Вы, я вижу тоже не только пчеловод и рыбак.

– Хорошо, что напомнили, Иван Александрович! Я дам вам прочесть книгу о кресте игуменьи. Думаю, что из нее вы узнаете много нового.

Гусев вынул из шкафа брошюрку в мягком зеленом переплете и положил перед Платовым.

– Здесь и о проклятии написано.

– Обязательно почитаю, Никита Сергеевич.

– Мы с Зоей дружили, – продолжил старик. – Найти ее убийцу дело чести не только для вас, но и для меня. Старушка часто приходила сюда. Я не мастер на все руки и уборка в доме не входит в число моих талантов. Она часто сживала на том стуле, который сейчас занимаете вы...

Иван почувствовал сильное желание встать, но сделал вид, что не придавал значения словам Гусева.

– Она была замечательной рассказчицей. Знакомила меня с историей этой страны и в частности со смутными годами террора. Как-то в нашем разговоре вы назвали ее дядю порядочной сволочью. Отчасти это так. Например, группа НКВД, в которую входил Аскаленко в тридцать седьмом, настолько устала ликвидировать врагов народа по всей форме, что даже не входила в дома.

– Это как?

– Просто бросали камни в окна, а хозяин, выходявший посмотреть, в чем дело, получал свою порцию свинца.

– Ишь ты! – вновь отделался восклицанием Платов.

– Это была стая бешеных псов, и дядя Зои Петровны ничем не отличался от остальных. Однако его самоубийство было не только раскаянием, но и предательством.

– Это кого же он предал?

– Своих товарищей! Вы знаете о том, как его хоронили?

– Слышал от матери, в общих чертах. Я уже говорил.

Никита Сергеевич вздохнул.

– В том-то и дело, что в общих. Аскаленко хоронила упившаяся до поросычьего визга свора братьев по оружию. В чужой склеп его запихали не по собственной воле, а в насмешку.

– Это в какой мере меняет мои взгляды на события тех дней, – Иван задумчиво вертел в руке ложку. – Однако икона...

– Именно икона! – Гусев встал и начал расхаживать по комнате. – Чекисты награбили много ценностей, но только в руки Аскаленко попало то, что таило в себе старинное проклятие! Как я уже говорил, нынешнему владельцу иконы не позавидуешь.

– Знать бы кто этот владелец...

– Коль скоро вас интересуют умозаключения старого дурака, то искать следует среди местных. Если отбросить стариков, то людей обладающих достаточной физической силой в Липовке останется человек пять-шесть не больше. Справится со старушками одно, а придумать, как котенка Рыжова – совсем другое.

Платов вскочил и хлопнул себя ладонью по лбу.

– И как же я мог забыть! Мне пора Никита Сергеевич. Спасибо за уху!

Участковый с такой поспешностью выкатился за двери, что Гусев долго не мог придти в себя от изумления.

Иван горячился зря. Дом Астахова встретил его темными окнами и запертыми на знаменитые замки воротами. Во дворе звенела цепью овчарка. Оставалось отложить разговор на завтра и не забыть заглянуть к предпринимателю до совещания в РОВД. В конце концов, Николай не Витька и просто так из деревни не сбежит. Для очистки совести Иван завернул на пилораму, но и там хозяина не было.

– В конце концов, – заявил Платов спидометру мотоцикла. – Если икона у него, то пусть о Кольке позаботится Евфросинья!

Игривое настроение моментально улетучилось, когда участковый заметил, что все окна его дома празднично светятся. Он заглушил мотоцикл и начал вспоминать о том, куда задевал табельное оружие. Если выключать перед уходом свет и запирать дверь на замок было для Ивана делом обычным, то возня с «макаровым» доставляла ему много мук. Он еще томился в тягостных раздумьях, когда скрипнула рама окна и раздался задорный девичий голосок:

– Эй, Шерлок! Будешь там целую ночь сидеть или все-таки загонишь во двор свою рухлядь?

Пока Платов возился с мотоциклом, Юля болтала ногами сидя на перилах крыльца и попыхивала сигаретой. Сурово сдвинув брови, Иван остановился перед девушкой.

– Ты как мой дом нашла и как сюда забралась?

– Отвечаю по порядку: не такая уж конспиративная квартира твоя хаза и не такие уж узкие в ней форточки, чтобы я в них не пролезла! Я ведь довольно гибкая, если заметил, не то, что некоторые.

– Форточница! Завтра же в деревне твоей ноги не будет! – Иван отпер дверь, и Юля юркнула в дом первой.

– Попрошу без оскорблений, старлей! – девушка скорчила обиженную рожицу. – Не с голодухи же мне было помирать!

– Своей смертью тебе все равно не умереть, – улыбнулся участковый, увидев, что на столе стоят тарелки с салатом и аккуратно нарезанной колбасой. – А за то, что про тебя забыл – извиняюсь. Замотался совсем.

– Извинения принимаю. Идите ужинать, офицер!

Сизова откозыряла настолько комично, что Иван не удержался от новой улыбки. Войдя в комнату, увидел, что разбросанные протоколы собраны в аккуратную стопку, пол чисто вымыт, а пыльные книжные полки явно познакомились с влажной тряпкой.

– Ты, наверное, в ординарцы ко мне набиваешься?

Платов не успел и глазом моргнуть, как Юля оказалась у него на коленях и обвила его шею руками.

– Почему именно в ординарцы?

Справиться с нахлынувшим возбуждением Иван не смог и не сразу нашел в себе силы столкнуть Юлю с коленей. Она спрыгнула сама.

– Не краснейте, старший лейтенант! Я не собираюсь вас совращать и обучать тонкостям Камасутры.

От этих слов Платов покраснел еще больше. Чтобы хоть как-то справиться со смущением он схватил с тарелки колбасу и принялся ее яростно пережевывать.

– В деревне хоть никто не видел, как ты сюда пробиралась?

– Обижаешь, начальник! С моими талантами твою сельскую братию вокруг пальца обвести – раз плюнуть! Старые кошелки не то, что меня – танк проморгают!

Иван, наконец, пришел в себя. Ему совсем не хотелось есть. Проведя пятерней по рыжей шевелюре, он покачал головой.

– Хорошая ты девчонка, Юлька, но в Липовке сейчас тебе не место. Плохо здесь, совсем плохо. Рыжова утром на кладбище мертвым нашли.

Впервые за время короткого знакомства с Сизовой, он увидел на ее лице серьезное и вместе с тем беспомощное выражение. Они ей очень шли, делая красоту девушки заметней. Юля облокотилась на стол и сдула упавшую на глаза каштановую прядь.

– Допился Витек...

– Если бы, Юля. Задушили его.

Девушка побледнела.

– Не деревня, а прямо какой-то заповедник душегубов.

– Не знаю, но завтра с утра пораньше я тебя на автобусную станцию отвезу, деньги на билет дам и... попутного ветра.

Иван подошел к Юле и осторожно погладил по голове.

– А сейчас приказываю спать!

– Вместе? – вновь обрела свою жизнерадостность Юля. – Ох, и побарахтаемся!

– Мне до шуток.

– Какие шутки? Разве товарищ старший лейтенант не знает насколько это серьезное дело? Одной сноровки целое море потребуется, а, сколько сил – вообще страшно сказать!

И вновь, чтобы скрыть предательскую краску на лице Иван отвернулся к шкафу и принялся доставать два комплекта постельного белья.

– Я на веранде лягу, а ты здесь на моей кровати и, пожалуйста, брось свои дурацкие шуточки.

Юля промолчала. Только когда Платов протягивал ей простынь и одеяло, поинтересовалась:

– А зачем меня сюда привез?

– Сама-то, как считаешь?

– Наверное, чтобы я опять в руки кому-то вроде Витьки не попала?

– Ход мыслей верный, – ответил Иван с веранды. – Спокойной ночи, бродяга!

Лежа на своем жестком ложе, он слышал, как девушка возится с постелью. Щелкнул выключатель и все стихло.

Ночь, которая давно стучалась в дом, наконец-то впустили. Иван старался сосредоточиться на убийце, рыскавшем по деревне, но мысли то и дело возвращались к Юле. Хотелось бы ему видеть в роли жены такую девушку? Он ведь понял, что за напускной бесшабашностью скрывалось острое желание быть кому-то нужной и поэтому отвечал на свой вопрос – да.

Вскоре усталость сделала свое дело и Иван уснул. Первым гостем его снов стал безобразный скелет, размахивавший удостоверением сотрудника НКВД. Скелет почему-то говорил голосом зайки Астахова и требовал от Платова признания в том, что он английский шпион. Потом появился Рыжов. Он тыкал пальцем в странгуляционную борозду на своей шее и повторял:

– Я боюсь! Иван, я боюсь!

Платов вывалился из сна потому, что голос мертвого Виктора был голосом Юли. Жар обнаженного девичьего тела не был сном.

– Ваня, я боюсь! – шептала Юля. – Не прогоняй меня, пожалуйста. Мне приснился Витька. Он опять тащил меня в свою кладовую и...

Горячие слезы девушки обжигали Сергею грудь. Он обнял Юлю.

– Нам снились почти одинаковые сны.

Платов не помнил, когда в последний раз имел дело с женщиной, но после того, как бес- сильно откинулся на мокрую от пота подушку, понял: таких ощущений он точно не испытывал. Все повторилось несколько раз уже на кровати, а потом Юля уснула, пристроив голову на его груди. Иван уснул на несколько минут позже.

На этот раз ни один из живых маньяков и убийц-мертвецов не осмелился прийти в сно- видения счастливой пары.

Глава 5

Предприниматель Николай Астахов курил, откинувшись на спинку своего «Мерседеса», то и дело поглядывая на часы. Согласно полученной инструкции он должен был зайти в библиотеку незадолго до ее закрытия. Поскольку у Астахова была масса своих дел в городе, он злился на человека, давшего столь странное поручение.

Впрочем, плата за пустячное хулиганство была такой высокой, что можно было и потерпеть.

Николай старался, чтобы сигаретный дым не попадал в салон из-за боязни, что его впитает внутренняя обивка. Опасения были излишними: салон «мерседеса» настолько пропитался запахом бензина, что капелька сигаретного амбре помешать ему не могла.

Машина была такой древней, что, наверное, уже не помнила имена прежних владельцев. Ее ремонты больше напоминали реанимационные мероприятия, но Астахов с удовольствием копался в двигателе и часы напролет потел под автомобилем. Главным был принцип. Вопрос престижа. Весь транспортный парк Липовки включал только колхозные трактора, мотоцикл участкового, да гужевые повозки. И только владелец пилорамы Николай Астахов, который хоть и закончил лишь восемь классов имел собственное авто. Долговязый и нескладный он с детства заикался, поэтому служил предметом постоянных насмешек. А в итоге вырос и доказал всему честному миру, что не внешность и речевые показатели в этой жизни главное. И плевать, что весь честной мир умещается в небольшой деревеньке!

Дождавшись нужного времени, предприниматель резво взбежал по ступенькам библиотеки. Как и предполагалось, хозяйка книжного царства была занята наведением марафета на своем личике и, разозлившись на позднего посетителя, ткнула пальцем в сторону читального зала.

– «За рулем» – третья полка сверху. И, пожалуйста, побыстрее: через двадцать минут закрываемся.

– Я м-мигом.

Войдя в читальный зал, Астахов выглянул из двери и убедился в том, что библиотекарша увлеченно протирает свои очки. Он быстро отыскал нужные ему подшивки, не имевшие с водительским журналом ничего общего, раскрыл их в нужных местах и достал из кармана складной нож. Вся операция заняла меньше минуты и когда библиотекарша пришла прогонять любителя позднего чтения, тот мирно листал журнал «За рулем».

– П-простите, п-пожалуйста, что з-задержал.

Выйдя из библиотеки, Астахов сел в машину и отъехал до ближайшей мусорной урны.

Там он поборолся с искушением прочитать напечатанное на реквизированных листах, но передумал и просто освободил карманы от макулатуры. Весь остаток дня он метался по своим лесопильным делам.

Возвращался в Липовку уже в сумерках, но был в отличном настроении и несколько раз поглядывал на заднее сидение. Там лежала вещица, за которую стоило хорошенько поторговаться и, в случае успешной сделки, серьезно поправить дела своей фирмы.

Предприятие Астахова внешне выглядело как колхозная ферма, каковой и являлась во времена своей социалистической юности. Потом она пришла в упадок, и хитрый предприниматель выкупил полуразвалившийся коровник за гроши. Приволок туда из дома громоздкую пилораму, сверлильный станок, спер несколько старых верстаков из колхозной слесарки и зарегистрировался предпринимателем.

Дела шли ни шатко, ни валко. Зимой доски никому не требовались и дорогу к пилораме заметали сугробы, зато летом, когда в окрестностях начинали строительство дачники, Николай чувствовал и вел себя, как потомственный дворянин

Впрочем, наступлением застоя в лесопильном бизнесе не мешало Астахову обогащаться. Самогон, который ему поставляла Натаха Устинова, шел нарасхват в любом месте и при любой погоде.

Делу несколько мешало упорное нежелание рыжего участкового понимать тонкости текущего момента, но Астахов надеялся поумерить пыл Платова среднего размера взяткой.

Короче, планов и амбиций у Николая хватало, а его желанию заграбастать деньги мог бы позавидовать любой из олигархов.

Ближайшая сделка, при правильном подходе, тоже сулила знатный барыш, отчего душа предпринимателя пела и плясала.

Ко времени приезда в Липовку стемнело окончательно и Астахову пришлось включить фары. Он взглянул на наручные часы и удовлетворенно хмыкнул. Уж он-то покажет, кто является хозяином положения!

Дорога на подъезде к пилораме стала совершенно невыносимой. На каждом ухабе ржавые суставы «мерседеса» грозили развалиться по болтикам и винтикам, но Астахов стойко перенес все дорожные неприятности и припарковался у входа.

В помещение было легко проникнуть, просто оторвав несколько гнилых досок, но для Николая был главным вопрос престижа, поэтому он оснастил входную дверь такими внушительными замками, что все нормальные люди давились от смеха, глядя на эти чудеса технической укрепленности.

Предприниматель справился с очередным замком и, воткнув ключ во второй, когда внутри пилорамы отчетливо прозвучали чьи-то шаги. Астахов напрягся и застыл с ключом в руках. Ворюги? Да кто осмелится покуситься на его имущество! Николай вдруг совершенно успокоился и улыбнулся.

– К-крысы! К-конечно же эти хвостатые т-твари!

Он без опаски вошел в душную темноту пилорамы и нашарил на стене рубильник. Несколько засиженных мухами лампочек осветили нехитрое хозяйство предпринимателя, сделав темноту в дальних углах фермы только гуще. К Астахову окончательно вернулось хорошее настроение. Он прошелся по цеху и, усевшись на ящик, закрыл глаза, строя планы на светлое будущее. Шорох в темном углу нарушил ход его мечтаний. На этот раз не оставалось сомнений в том, что во мраке прячется зверь покрупнее крысы.

– Эй, к-кто з-здесь?

Когда Астахов напряг глаза, то различил силуэт высокого человека. Тот скрестил руки на груди и неподвижно застыл в углу.

– К-как в-вы сюда п-попали? – занервничал бизнесмен. – Я ж-ждал в-вас п-позже.

– В-включи с-свою машин-нку, – донеслось из мрака. – Я не люблю тишины.

– Понимаю, – когда Николай волновался, то заикался еще больше. – Вы боитесь, что нас могут подслушать. Зря. Кто будет бродить в такой час?

Он бросился к пилораме, щелкнул тумблером и помещение наполнилось мерным гудением. Астахов пытался собрать свою расплывшуюся волю в кулак, но попытка не увенчалась особым успехом.

Его более хладнокровный собеседник сделал шаг вперед и стало видно, что он одет в кожаную, ниже колена куртку и высокие черные сапоги. Бледное лицо по-прежнему оставалось в тени.

– Т-ты п-принес п-принадлежащую мне вещь?

– П-пожалуйста, не п-передразнивайте м-меня, а говорите н-нормально.

– Я т-тоже иногда заикаюсь, к-когда в-выхожу из с-себя. Да, когда выхожу из себя.

.К Николаю вернулась свойственная ему наглость. Он опять уселся на свой ящик.

– В-вещь о к-которой идет речь пока еще не ваша. С-скажу б-больше: она н-никогда не станет вашей за ту с-смехотворную цену, к-которая мне предложена. П-приходилось тратиться

на Витьку, поскольку вижу, что вы б-большой любитель работать через третьих лиц и оставаться в т-тени. Д-думаю, что мне причитается сумма, по к-крайней мере на два порядка большая. Или вы имеете другое м-мнение?

– Им-мею. Витька с-сдох.

Собеседник Астахова выступил на свет и, жадному предпринимателю стало предельно ясно: сейчас его будут убивать. Он увидел лицо, которое не могло быть лицом живого существа и завизжал, как визжит свинья, в горло которой втыкают лезвие ножа.

Старый сарай, который уныло доживал свой век на склоне холма между лесопильной резиденцией Астахова и кладбищем не был занесен в списки ЮНЕСКО и считался незаконно-рожденным, поскольку того, кто его построил, не помнили и старожилы.

В него редко кто заглядывал. Не потому, что жители Липовки боялись совать туда нос, а просто из-за отсутствия необходимости. У Натальи Устиновой такая необходимость появилась после того, как рыжий участковый ее окончательно достал. Она могла бы оказаться для следствия ценной свидетельницей, могла услышать последний крик Астахова, но была слишком занята.

Кряхтя, как паровоз дореволюционного образца, Наташка отнесла последнюю 40-литровую бутылку с мутной жидкостью в угол сарая, тщательно забросала ее сеном и принялась разбирать самогонный аппарат. Время от времени она замирала и наостряла уши. Убедившись в том, что ей никто не помешает, вновь принималась за свои манипуляции, напоминая солдата, который разбирает «калаш» с завязанными глазами.

Дородной, с рубенсовским бюстом Наталье было сорок два, и она успела трижды побывать замужем. Покидали Устинову не мужчины. Обычно она выгоняла их из своего по-купецки добротного дома. Гнала с таким скандалом, что об очередном разводе Наташки знали не только в Липовке.

– Сдались они мне! – комментировала Устинова свои расставания. – Все – кобели и пьянчуги! Или налево зенки плят или на стакан с сивухой! Без мужиков управимся!

Поглядывая на здоровенные Наташкины кулаки и ее мощные формы не согласиться с этим было нельзя.

Устинова лишь номинально считалась дояркой: на колхозной ферме ее видели только при обмене самогона на комбикорм. Наталья занималась домашним хозяйством. Держала двух коров, но основным источником дохода была торговля не молоком, а сивухой.

Сам Остап Бендер позавидовал бы количеству рецептов самогона, которые знала экс-доярка Устинова. Она была настоящей поэтессой самогонотварения. Наташкина сивуха успешно продавалась во всех окрестных деревнях, и существуй советская система ОТК, Устинова давно бы получила право ставить на свои бутылки пятиугольник знака качества.

Нет ничего удивительного, что при таком роде бизнеса участковый Платов был заклятым врагом Устиновой.

– Из-за пуза ног своих не видит! – брызгала слюной Наталья. – А мой самогон не хуже собаки – за версту чует! Наступит праздник и на моей улице: я этому рыжему недомерку еще уши пообрываю!

Летопись борьбы участкового и самогонщицы насчитывала добрый десяток лет. Причем ни та, ни другая сторона не могла похвалиться значительным перевесом. Однако в последнее время Платов, узнавший все повадки и ухищрения Натальи, нанес ей ряд сокрушительных ударов. Бизнес Устиновой пошатнулся, а последняя победа Ивана, вылившего на землю целую реку браги, был чем-то сродни победе Пересвета над Челубеем. Наташка впала в глубокую депрессию, из которой ее вывели только трагические происшествя последних дней.

– Теперь попрут нашего участкового с работы! – злорадно констатировала Наталья. – Обязательно попрут! Таких преступлений ему ни за что не распутать!

Этот вывод и подвиг Устинову на передислокацию самогонного аппарата из своего амбара в заброшенный сарай на окраине деревни. Решение было продиктовано еще и тем, что развалюха находилась по соседству с кладбищем, которое в свете последних событий приобрело зловещую славу.

Наталья, не боявшаяся ни Бога, ни черта преспокойно выгнала три бутылки ароматного первача, набила спортивную сумку поллитровками на продажу и вышла из своего укрытия на залитый лунным светом пригорок. Липовка мирно спала и Устинова отметила, что свет горит только в узких оконцах лесопильного хозяйства Астахова. Поскольку тот был одним из партнеров Наташки в реализации ее сивухи, то женщина решила заглянуть к нему и начала спускаться с пригорка. Довольная тем, что тяжелую сумку не придется тащить в деревню и, проигрывая в уме аспекты торга с Николаем, она не сразу заметила человека, который шагал навстречу.

Самогонщица решила, что встретила короля лесопильного бизнеса и уже раскрыла рот, чтобы приветствовать партнера, но вовремя спохватилась. Нет. Этот высокий и широкоплечий мужчина не мог быть Астаховым, нескладную, долговязую фигуру которого нельзя было не узнать. Тогда кто мог тащиться ночью в сторону старого кладбища? Вывод был очевиден: только призрак.

Наталья поспешно свернула с тропинки к ближайшему кустарнику и сиганула в колючие заросли со стремительностью Братца Кролика. Предательски звякнули бутылки. Лежа в траве Устинова, осмелилась поднять голову. Мужчина, как видно услышал звон и остановился, осматриваясь по сторонам. Наталью сковал ужас. Настолько близко к выходцам с того света находиться ей не приходилось. Одетый в черную кожанку мертвец обвел взглядом округу и продолжил свой путь. Его сапоги примяли траву в метре от головы онемевшей Натальи.

Только когда шаги затихли вдалеке, Устинова пришла в себя и стремглав бросилась к единственному источнику света в ночи: сараю Астахова. К чести самогонщицы следует отметить: несмотря на испуг, она не бросила сумку с драгоценным пойлом, с которой и ворвалась в раскрытую дверь лесопилки.

– Колька! Кого я сейчас видела!

Ответом на этот выкрик был только звук работающей пилорамы.

– Николаша!

Устинова опустила глаза вниз и увидела хозяина лесопилки. Астахов лежал рядом с вибрирующим ремнем пилорамы, ногами к двери. Его голова была скрыта дощатым столом, на середине которого вращалась дисковая пила. Наташка поставила свой багаж на землю и сделала несколько шагов вперед.

– Коля?

Астахов опять ее не услышал, а Устинова обратила внимание на неестественно красный цвет обода пилы. Женщина осторожно обошла ноги бизнесмена и заглянула по ту сторону диска. Подрагивая от вибрации, на залитом кровью столе лежала голова Николая. Незрячие глаза уставились на Наталью, а из раскрытого рта словно был готов вырваться вопрос:

– А где же все остальное?

Это утреннее пробуждение, было, пожалуй, самым приятным в жизни Платова. Его разбудил поцелуй в губы. У кровати стояла Юля чашкой кофе и улыбалась.

– Самое время начинать новый день, начальник.

Иван заметил, что девушка одета в одну из его сорочек, которую отыскала где-то в шкафу. Импровизированный пеньюар был очень широким, но коротким и, отхлебывая кофе, участковый мог сколько угодно любоваться ногами девушки.

– Мне собираться в дорогу? – кокетливо поинтересовалась Юля. – Или повременим с отъездом?

– Слишком много дел, – улыбнулся Иван. – Поедешь после обеда или... завтра.

Ему страстно хотелось схватить Юлю за руку и затащить в постель, но времени на плотские утехи не оставалось.

– А может все-таки послезавтра? – Юля ухитрилась отыскать в недрах письменного стола пачку «Космоса» трехлетней давности и теперь пускала колечки дыма в распахнутое окно.

Воспользовавшись тем, что девушка отвернулась, Платов успел впрыгнуть в штаны.

– Все разговоры на потом, дорогуша. Ты свалилась на меня в самый неподходящий момент.

– Так говорили все мужчины, которые имели со мной дело.

Плечи Юли затряслись и Иван поспешно ее обнял.

– Обещаю, что разберусь со всеми делами, и мы поговорим. Обстоятельно поговорим.

– Это следует расценивать как предложение руки и сердца?

– Вот такой ты мне больше нравишься!

Застегивая пуговицы рубашки, Иван увидел проклятое чернильное пятно на кармане и помрачнел. На предстоящем совещании произойдет одно из двух: либо скончается от апоплексического удара майор Ляшенко, либо старший лейтенант Платов будет торжественно расстрелян прямо во дворе райотдела. Впрочем, учитывая то, что в его жизни появилась Юля, служба в милиции отошла на второй план. В конце концов, не сошелся же клином свет на трех маленьких звездочках!

Усаживаясь на мотоцикл, Иван чмокнул Юлю в щеку.

– И ради всего святого: не выходи на улицу!

– А в жены возьмешь?

– Если курить бросишь. Я ведь смог.

– Поэтому и такой толстый.

Участковый выезжал за ворота, когда сзади донеслось:

– Брошу! Обязательно брошу!

Хорошее настроение начало гаснуть после того, как Платов вновь не застал Астахова дома. По мере же приближения к городу воздушный шарик счастья сдулся до размеров грецкого ореха. Город означал райотдел, совещание и взбучку.

Перед тем, как столкнуться с вышеперечисленными прелестями милицейской жизни Иван припарковал мотоцикл у библиотеки.

В полутемном, заставленном стеллажами, шкапами и шкафчиками помещении было легко заблудиться. Полный участковый с трудом протискивался сквозь узкие лабиринты этой мебели и не сгинул в них навеки только по тому, что помнил дорогу к столу библиотекаря с детства.

– Чем могу помочь? – прощепетало юное шуплое создание в огромных роговых очках, оторвавшись от заполнения очередного формуляра. – Наверное, детективами интересуетесь? У нас широкий выбор. Есть...

Иван сделал протестующий жест рукой.

– Детективов мне и в жизни хватает. Просто хочу узнать, что Зоя Петровна Аскаленко читала.

– Ах, вы по службе. Понимаю. Тогда нам в читальный зал.

Читальный зал приятно поразил Платова тем, что там было, где повернуться. Девушка быстро отыскала формуляр Аскаленко.

– Да Зоя Петровна брала у нас кое-что. Причем незадолго до своей трагической гибели.

– Что именно? – участковый вытянул шею так, что стал походить на гончую, взявшую след.

– Подшивки « Аргументов и фактов». За два года. Пяти и шестилетней давности. Вы будете их смотреть?

– Обязательно, красавица!

Красавица, которая красавицей вовсе не была, покраснела так, что стала похожей на свеклу в очках и принесла Ивану требуемые подшивки. Тот принялся сосредоточенно их листать.

Газета, что и говорить была хорошей. В другое время Платов и сам с удовольствием почитал бы ее для расширения кругозора. Однако сейчас был не тот случай. Возможно, среди газетных строк таился ключ к разгадке гибели Зои Петровны.

Иван дошел до середины первой подшивки и увидел, что несколько страниц с корнем выдраны. Перевернув следующую страницу, участковый вздрогнул. Прямо в центре листа зияла дыра с рваными краями, глубиной до самой картонной обложки. Сделавший ее, не просто проткнул газеты ножом, а даже несколько раз повернул его. Вот так приступ ярости! Платов раскрыл вторую подшивку. Картина повторялась в точности!

– Девушка, можно вас на минутку?

Иван закрыл подшивки и придал лицу безмятежное выражение.

– Еще что-то? – очки на ножках были самой любезностью.

– Радость моя, – проворковал участковый.– Кто брал эти газеты после Зои Петровны?

– Никто. Это я хорошо помню.

– Тогда что это! – рявкнул Платов так, что задрожали стеклышки на люстре под потолком и, раскрыл обе подшивки на изуродованных местах.

Библиотекарша, не ожидавшая столь резкого перехода рот кнута к прянику, плюхнулась задницей на ближайший из столов. Ее губы задрожали, а стекла очков затуманились.

– Я... Я не знаю... К нам весь город ходит, из района приезжают... Как за всеми уследишь? Нинка в декретном... Я одна на два зала... Не знаю...

Слова перешли во всхлипывания, всхлипывания – в рыдания.

Ивану стала жалко напуганную девочку. Он встал и двинулся к выходу, попутно проронив:

– Жаль, на совещание опаздываю, но на днях заеду. У меня к тебе еще вопросы будут. Не хнычь. Может, это не на днях было, а еще при Нинке.

Глава 6

Счетовод по профессии и сыскарь в душе, Симпляков семенил по деревне со своим пузатым портфельчиком. Он не любил надолго покидать уютную контору, но сегодня воспринял задание председателя с большим энтузиазмом. После обычной утренней планерки, глава колхоза позвал его в кабинет и торжественно объявил о премии, которую счетовод получит за отличия в бухгалтерском труде.

Услыхав такой пролог, хитрый счетовод понял, что шеф вляпался в дерьмо, причем вляпался основательно.

Председатель вкратце обрисовал бедственное положение убыточного колхоза, в котором по инерции работали только пенсионеры, посетовал на то, что тратит лучшие годы впустую и перешел к сути.

А суть, мягко говоря, попахивала уголовщиной. Колхозный заправила строил дачу и отдавал этому делу столько энергии, что мог бы поднять с колен не один, а десять колхозов. Дача, как и положено, строилась в другом районе, но все от используемых материалов за версту несло казенным запахом.

Неудивительно, что доски, выписанные для строительства новой мехмастерской, до колхоза не доехали, а в полном объеме были выгружены на милой председателю сердцу стройплощадке. Подобный казус случался не в первый раз, однако нашлись предатели, донесшие на главу колхоза.

Со дня на день районное начальство должно было приехать для осмотра новой мехмастерской, которой, к слову сказать, не было и в помине.

Председатель еще описывал Симплякову возможные последствия, а Митрич уже знал, как помочь горю.

– К Кольке Астахову идти надо. Он в таких делах дока. С досками поможет, но переплатить придется.

– Да хоть к черту лысому! – буркнул председатель, зная, что рано или поздно все равно отыграется на колхозной кассе.– Иди, Митрич, выручай.

Разобраться с досками опытному Симплякову ничего не стоило. Свой выход в Липовку Митрич решил посвятить делу более важному и, шагая по улице, стрелял глазками по сторонам в надежде напасть на след убийцы Аскаленко и Рыжовой.

К большому разочарованию счетовода встреченные им пенсионерки никак не подходили пол теорию Чезаре Ламброзо, но Егор Дмитриевич не терял присутствия духа.

Дом владельца пилорамы встретил Симплякова запертыми воротами, а когда счетовод попытался заглянуть через щелочку в заборе, то увидел только умные и очень голодные глаза овчарки.

Пришлось идти на пилораму и, уже спускаясь с горки Митрич увидел «мерседес» предпринимателя.

Симпляков не подозревал о том, что ступает по следам Натахи Устиновой. Он спокойно приблизился к двери пилорамы. Работа, судя по шуму пилы, шла полным ходом, а значит, доски для спасения председательской чести можно было получать хоть сейчас.

Митрич уже просчитал в уме, сколько заработает на сделке лично он и ухмыльнулся от предвкушения того, что обует и председателя и предпринимателя.

– Николай!

Вместо Николая из двери пилорамы вылетела жирная муха и, сделав пару кругов над лысиной счетовода, вновь нырнула в помещение.

Когда Астахов не откликнулся ни во второй, ни в третий раз Митрич сунул голову в дверь. Мух было очень много. Настолько, что из-за них Симпляков не сразу разглядел, торчавшие из-под пилорамы ноги Николая.

Егор Дмитриевич моментально позабыл о том, что совсем недавно мечтал заняться практическим раскрытием уголовных дел. Он захотел вернуться к теории настолько сильно, что добежал до ближайшего дома с телефоном со скоростью молодого, подающего большие надежды легкоатлета.

По устоявшемуся регламенту выступление майора Ляшенко было третьим по счету. Начальник отдела вскользь упомянул о ситуации в Липовке. Когда же начал приводить статистические данные по раскрываемости или скорее по нераскрываемости начальник штаба, тучи начали сгущаться.

Воплощением грозы был прямой начальник Платова, который пока молчал, но уже метал глазами молнии. Иван хоть и опустил голову, но чувствовал пролетающие у висков потоки электрических разрядов.

– Товарищи офицеры! – начал зычным голосом Ляшенко. – На сегодняшний день главной костью в горле отдела...

Костью в горле отдела, к великому облегчению Ивана был не он сам, а многочисленные упущения, недоработки, низкая раскрываемость и еще множество мелких и больших бардаков и бардачков, какие случаются в любом большом хозяйстве. Майор наметил ряд мер и планов по устранению недостатков, которые намечаются из года в год и ничего не меняют.

Когда Ляшенко перешел к физической подготовке участковых, многие в зале начали зевать, а Платов наострил уши. Он прекрасно знал, что причина, по которой он впал в немилость к майору, были его внешние, доставшиеся от родителей данные. За то, что Иван был пухленьким и рыжим, следовало бы ругать его папу, такого же веснушчатого толстяка. К сожалению, майор слабо разбирался в вопросах генетики и все грехи Платова-старшего пали на голову его сына.

По мнению здоровяка Ляшенко все, кто был ниже двух метров, не имели права носить гордое звание мента. Участковые, которые ходили в любимчиках у майора все, как на подбор были гренадерами: рослыми, широкоплечими и тупыми. Иван не сомневался в том, что им простились бы не только чернильные пятна. Насри они в фуражки и носи их задом наперед, Ляшенко бы ничего не заметил. Под громыхание слов выступающего, Иван пообещал себе построить турник и заняться своей фигурой.

Наконец был сделан вывод о том, что большинство участковых достигли последней стадии рахита и, майор заговорил о расхлябанности, наглядным примером которой был, конечно же, старший лейтенант Платов.

На протяжении всей обличительной речи старлей только виновато кивал головой, чувствуя, что скоро у него отвалится шея. На его участке проживет меньше трехсот человек? – Он это знает. Заблудился в трех соснах? – Вне всякого сомнения. Упустил уголовника и тем самым помог преступнику убрать соучастника? – Помог. И при всем этом имеет в распоряжении мотоцикл? – Есть такой грех. Приводит в рапорте не конкретные данные по делу, а выписки из учебника по истории Белоруссии? – Приводит!

Когда красноречие Ляшенко пошло на убыль и вконец оплеванный Иван решил, что почти пережил бурю, он получил удар ниже пояса. В актовом зале вошел капитан из дежурки и передал начальнику какой-то листок. Прочитав его, подполковник взмахом руки прервал выступление майора и встал.

– Не до разговоров, товарищи. Полчаса назад в помещении пилорамы в Липовке обнаружен труп ее хозяина Николая Астахова. С отрезанной головой.

Натаха Устинова хоть иногда и напивалась до положения риз, но впервые в своей практике засыпала на полу с прижатой к груди пустой бутылкой. Поэтому она слегка удивилась когда, открыв глаза, узрела над собой совсем не тот квадрат потолка, который обычно видела с кровати. В комнате было темно, но не из-за ночного времени. Просто перед тем, как спрятаться от привидения в цитаделях самогонной крепости Наталья заперла все, что могло запираиться и, плотно задернула все шторы.

Она смутно помнила свой путь от пилорамы Астахова до своего дома и не знала, что укороченное тело Николая нашел Симпляков.

В сарае Устиновой пел хор некормленных свиней и коров, которых она не выпустила из хлева. Однако Наталью не интересовало ничего, кроме одного: ей удалось сбежать. Она со стонами поднялась и, держась за стены, в несколько переходов добралась до заветной сумки. Прежде всего, необходимо было отметить свое чудесное спасение, а остальное...

Сделай Наталья еще пару глотков, и она бы вновь впала в летаргию. Однако путь в царство Морфея ей преградил громкий стук в ворота.

– Наташка! Ты там не померла?

Устинова узнала голос соседки, героическим марш-броском добралась до двери и отодвинула засов.

– Входи, Матвеевна! Выпьешь со мной!

– Совсем сдурела баба! – развела руками соседка. – В Липовке черти знает что творится, а ей и дела нет!

– Ой, творится! Ой, творится! – завывла Натаха, как вдова над гробом любимого мужа. – Своими глазоньками видела, что творится! Хошь расскажу? Ходит мертвяк по деревне, и ходить будет до тех пор, пока всех нас на старое кладбище не утащит.

– Ты, дура, хоть бы скотину пожалела! Предупредила бы меня, что на дальнюю дистанцию заплываешь!

К изумлению соседки Устинова вытащила из-под кровати чемоданы и стала бросать в них все, что попадалось под руку.

– Какая на хрен скотина?! Гори оно все гаром! Уезжаю я из Липовки! На самую дальнюю дистанцию! Дом тебе Матвеевна оставляю. Безвозмез... В общем – дарю!

В итоге все заботы о хозяйстве Натальи легли на плечи соседки. Сама же Устинова решила донести до односельчан весть о конце света и пустилась в путь подобно пророкам древности. В спешке она забыла надеть один резиновый сапог и поэтому, выписывая по улице замысловатую синусоиду, прихрамывала. В одной руке новоиспеченная блаженная сжимала бутылку самогона, и время от времени прикладывалась к горлышку. Несмотря на известие о страшной участи Астахова у большинства жителей Липовки вид пьяной Наташки вызывал смех. Одним из немногих кто даже не улыбнулся, был Гусев.

– Никак и вправду проклятие игуменьи Евфросиньи действует, – пробурчал он, нахмурился и ушел к своим пчелам, громко хлопнув калиткой.

В итоге похода Натальи по деревне даже самые глухие старухи знали приметы разбушевавшегося выходца с того света.

Платов смог вернуться домой только под вечер и очень удивил Юлю своим сообщением о том, что скоро должен уйти опять.

– Неужели снова убийство? – догадалась девушка.

– Не говори чепухи! – с неожиданной грубостью отмахнулся Иван. – Нам еще с предыдущими разобраться надо.

В итоге он ушел с острым чувством того, что незаслуженно обидел девушку. Однако уйти было необходимо. Весь день был потрачен на прочесывание заброшенных строений, близлежащих рожиц. Иван и понаехавшие опера разговаривали с местными жителями и дачни-

ками. Пытались отыскать того, кто мог иметь к Астахову большие претензии. В итоге достоянием милиционеров стали сведения почерпнутые жителями Липовки у Натальи Устиновой. Что касается ее самой, то бедную пьянчужку силой оттащили домой и нейтрализовали парой стаканов самогона.

Коллеги Платова уехали, посчитав, что сделали все возможное, но сам Иван придерживался другого мнения. Осталось необследованным одно место – чертов склеп на старом кладбище. Иван по глупости намекнул об этом Ляшенко, но тот лишь в очередной раз отметил, что ничего путного из Платова не выйдет.

Выходить на разведку в одиночку участковому не хотелось, и он решил взять в спутники Гусева.

Иван поднялся на крыльцо, постучался в дверь. Не получив ответа уселся на ступеньку, решив, что Никита Сергеевич в туалете. Однако, присмотревшись, Платов увидел старика у самого дальнего из его ульев. Крыша пчелиного домика лежала на земле, а сам пчеловод сосредоточенно возился внутри домика. Иван усмехнулся. Сколько возни с этими пчелами, которые даже в сумерках требуют столько заботы о себе!

– Эй, хозяин!

Услышав голос Платова, Гусев выпрямился, помахал рукой и принялся водружать крышу на место.

– Минуточку, Иван Александрович!

– Пчелы, они, как и люди заботы требуют, – сообщил Гусев, шагая между своих ульев. – А может и больше.

Усевшись рядом с участковым, старик выслушал его просьбу и шутиливо погрозил ему пальцем.

– Не вы ли еще вчера обвиняли меня в вере в потусторонние силы?

– Со вчерашнего дня многое изменилось. Не в лучшую сторону.

– К сожалению, не могу помочь вам, дорогой охотник за привидениями. Увы, жду звонка от старого друга из Башкирии. Сами знаете, какая проблема со связью, если звонят издалека. Может, зайдете за мной часика через два? Я освобожусь...

– Никита Сергеевич! Через два часа совсем стемнеет!

– Что ж отлично! Взойдет полная луна и привидения выйдут на прогулку. Вы и переговорите с кем надо.

– Все шутите, – Платов встал. – Тогда отправимся завтра?

Гусев пожал протянутую руку.

– Всегда к вашим услугам, мистер Холмс!

– Превосходно, Ватсон!

Несмотря на договор с Гусевым, Иван, поразмыслив, решил не откладывать визит в склеп на завтра. Вместо того чтобы свернуть к дому, он зашагал к кладбищу. Почти стемнело, но участковый прихватил фонарик и считал себя прекрасно подготовленным к экспедиции.

По пути миновал сарай, в котором днем, под ворохом сена нашли две здоровенных бутылки с самогоном. Выливая напиток на землю, милиционеры очень жалели о том, что первач нельзя приобщить к делу в качестве вещественного доказательства. Да и у самого Сергея из глаз катилась скупая мужская слеза при виде того, как мать-земля впитывает то, что с благодарностью могли бы выпить печени ее сыновей.

Платов обратил внимание на то, что от сарая до кладбища метров триста. Эх, и смелая все-таки баба эта Наташка! Не побоялась гнуть свою линию даже в непосредственной близости от логова черта. При мысли о черте участковый непроизвольно поежился.

Прутики-веточки! Лозоплетельщика конечно же не существовало. Он жил только в подсознании Платова. Был воплощением интуитивного предчувствия беды и если бы появился сейчас, обязательно предупредил бы о том, что какие бы ценные улики и не скрывал от посто-

ронних глаз старый склеп, соваться туда одному все-таки не следовало. Да видно делать глупости было его коньком Платова. Перебираясь через пролом в ограде, участковый утешал себя тем, что он не касался старой иконы, а значит, ничем не мог навлечь на себя ни проклятия полоцкой игуменьи, ни гнева мертвого чекиста.

Дорогу среди могил пришлось освещать фонариком. Иногда Иван не удерживался от того, чтобы не полюбоваться на изящество, с которым отковывались в минувших столетиях кресты и ограды.

Новое кладбище располагалось в трех километрах от Липовки. Оно было уставлено крестами из круглых стальных труб и надгробиями, в состав которых входило больше красного кирпича, чем мрамора.

Кто знает, может на могиле Платова будет стоять постамент из высококачественной китайской пластмассы? Поняв, что уже докатился до размышлений о своем надгробии, участковый запретил себе философствовать.

Наклоненные к земле под углом в сорок пять градусов двери склепа были отлиты из чугуна. Иван уперся в плиту и потянул за кольцо одной из двух створок. Она была довольно тяжелой, но открылась легко и без скрипа, что наводило на мысль о хорошо смазанных петлях. В нос ударил запах сырости. Луч фонарика выхватил из темноты четыре ступени. Ставя ногу на первую, Иван не удержался от тяжелого вздоха. Прощай наземный и здравствуй загробный мир! Привет дороги мрака!

В центре низкого сводчатого помещения, прямо у босых ног ангела с отбитыми крыльями в каменном полу зияло черное квадратное отверстие. Склеп, оказывается, имел два уровня и на второй из них участковый спускаться не собирался по одной простой причине. Он буквально физически ощутил, что находится в склепе не один. Причем второй явно не принадлежал к роду человеческому.

В дополнение ко всему луч фонарика начал гаснуть. Не постепенно, как это бывает, когда садятся батарейки, а рывками. Платову приходилось читать о графе Дракуле, и он знал, что такие игры света и тени не сулят ничего хорошего.

Собрав в кулак жалкие остатки своей смелости, участковый направил луч вниз и увидел небрежно брошенную на каменные ступени черную хромовую куртку. Чуть ниже стояли сапоги с высокими прямыми голенищами. Лампочка, выбросив последнюю порцию света, потухла. Платов рванулся вверх с такой поспешностью, что чуть не вышиб головой вторую из чугунных створок. Однако ухитрился выбраться вверх без потерь и поспешно зашагал прочь от зловещего строения.

Метров через десять черт дернул Ивана оглянуться. Его ноги приросли к земле. На мраморной плите у склепа сидел человек в черной куртке и заляпанных грязью сапогах. Он свесил руки между колен и задумчиво уставился в землю.

Участковый тряхнул головой, зажмурил глаза. Надежда на то, что призрак исчезнет, была напрасной. Он по-прежнему сидел на своем месте и даже начал поднимать голову. Иван круто развернулся и побежал так, словно за ним гнался не один мертвый чекист, а целый легион чертей.

Только у первых домов Липовки Платов невероятным усилием воли заставил перейти себя на шаг. При позорном отступлении с кладбища он потерял фонарик, но посчитал, что отделался очень легко. Перед тем, как войти в дом, вытер рукавом свитера вспотевший лоб и постарался придать своему лицу хоть какое-то подобие нормального выражения.

Все ухищрения оказались тщетными. Юля женским чутьем уловила настроение Ивана и за весь вечер не произнесла ни слова. Они спали вместе, но о занятиях любовью не могло быть и речи. Глядя в потолок, Иван размышлял о том, что поделывает сейчас призрак из склепа. В его существовании Платов уже не сомневался.

Глава 7

По небу катилась полная луна, а вслед за своей небесной проводницей по безлюдным улицам Липовки шагал высокий мужчина. Он не пытался таиться, а вел себя, как хозяин, обходящий свои владения. Черный хром поскрипывал на нем при каждом шаге, а взмахи рук напоминали четкие движения марширующих по плацу солдат.

В час, когда на улицах воцарилось зло, в деревне не спали два человека. Яйцеголовому счетоводу Митричу не давали покоя лавры Анастасии Каменской, а Наталья Устинова проснулась от страшного, испепеляющего внутренности сушняка.

Зная, что простой кружкой воды с ним не справиться Наталья нашарила на дне спортивной сумки последнюю из бутылок. Первых полстакана дались с трудом, зато дальше все пошло как по маслу.

Последняя бутылка оказалась роковой. Устинова давно позабыла о встрече с призраком, об отрезанной голове Астахова, своем походе по улице и потеряла счет времени суток. Поэтому и решила пройтись по Липовке в поисках общения. Она вышла из своей калитки так и не разобравшись, что на дворе стоит глубокая ночь. Шлепая босыми ногами по холодному песку, осмотрелась по сторонам. Кандидатом в собеседники был разве что высокий мужик, который шагал в ее сторону.

– Эй, дядя! Выпить не хочешь?

Человек приближался к Наталье молча, и она сама заполнила паузу.

– Как не хочешь? По глазам вижу, что хочешь!

Возможность рассмотреть глаза потенциального собутыльника представилась Устиновой, когда тот подошел вплотную. Они были желтыми с узкими вертикальными зрачками.

Хрустнул черный хром и онемевшая от запоздалого страха Наталья увидела черный женский чулок, который в следующую секунду обвил ее шею.

Со стороны казалось, что высокий мужчина обнимает Устинову. Потом ее ноги подогнулись, тело обмякло и рухнуло на дорожный песок. Убийца сжал еще теплую руку своей жертвы и оттащил ее на обочину, словно не желал создавать помех транспорту.

Митрич, к тому времени, с сожалением перевернул последнюю страницу разбухшего от частого употребления томика Марининой, погасил бра над своей узкой кроваткой, но уснуть не смог.

Теперь, когда все страхи, испытанные им у двери пилорамы были позади, Симплякову совсем иначе виделась его роль в обнаружении трупа Астахова. Митрич уже считал, что только по нелепой случайности не успел задержать душегуба на месте преступления.

Что ж, он еще отыграется. В беспокойной голове в тысячный раз проигрывались возможные варианты блистательного изобличения виновника недавних убийств.

Митрич рассуждал по методу Каменской. Этот подход привел к тому, что местным убийцей был никто иной, как сам рыжий участковый. А чем черт не шутит? Может быть под комичной внешностью скрывалась темная мятежная душа?

Размышления Симплякова были прерваны голосом Натальи Устиновой, которая с кем-то разговаривала на улице.

Митрич почесал сухонькой ручонкой затылок, сел на кровати, а затем прошествовал к окну и раздвинул занавесочки. Не полностью, а так, что образовалась щель и выглянув на улицу.

Будь у счетовода наследники, он бы сделал главным пунктом своего завещания требование не совать свой нос туда, куда не суют лапы дворняги.

Симпляков увидел человека в хромовой куртке, лежащую на обочине Натаху и...Энурез никогда не мучил старого повелителя цифр, но в этот момент мочевого пузыря его подвел. Митрич нафурил у окна такую лужу, что ей позавидовала бы и корова.

Ночной убийца давно ушел, а Симпляков все еще стоял в луже собственной мочи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.